

Бетси Шидфар
АБУ НУВАС

Бетси Шидфар

Абу Нувас

«Марджани»

1978

Шидфар Б. Я.

Абу Нувас / Б. Я. Шидфар — «Марджани», 1978

Роман-биография «Абу Нувас» подобен искусно вытканному ковру-самолету. С его помощью мы переносимся в эпоху, хорошо знакомую нам с детства по сказкам «Тысячи и одной ночи». Читателю – счастливому обладателю этой книги – предстоит побывать на приеме у легендарного халифа Харуна ар-Рашида, послушать состязание самых прославленных поэтов, погостить в шатре гостеприимных бедуинов, побродить по улицам ночного Багдада, полным опасностей и соблазнов, вместе с главным героем романа – поэтом Абу Нувасом. Написанный более тридцати лет назад, роман все это время хранился, дожидаясь своего часа, в архиве семьи автора – известного ученого-арабиста, переводчицы стихов Абу Нуваса и других арабских поэтов Б.Я. Шидфар (1928–1993).

© Шидфар Б. Я., 1978

© Марджани, 1978

Содержание

«Маленькая женщина» в большой науке	6
Блудный сын своего времени	15
Книга первая	19
I	19
II	26
III	33
IV	40
V	52
VI	60
VII	66
VIII	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Бетси Яковлевна Шидфар Абу Нувас

CHETKY MAGAZINE LIBRARY

Betsy Shidfar
Abu Nuwas

Mardjani
Publishing House
Moscow 2011

The biographical novel *Abu Nuwas* is like a skilfully woofed magic carpet transporting us to the age of the Arabian Nights Entertainments, which many of us very well remember from our childhood. A lucky reader of this book will find oneself keeping company to poet Abu Nuwas, the lead character of the novel, while he is visiting the reception hosted by the legendary caliph Harun al-Rashid, listening to a contest of the most famous poets, sharing shelter with Bedouins and wandering through the streets of night Bagdad, full of dangers and temptations.

Written more than thirty years ago, this novel has been waiting for its time to come in the family archive of B. Ya. Shidfar (1928–1993) – the famous scholar specialising in Arabic studies, translator of the poetry written by Abu Nuwas and many other Arabic poets.

**«Маленькая женщина» в большой науке
(О Бетси Яковлевне Шидфар)**

Бетси Яковлевна Шидфар – несомненно, самый яркий талант в нашем араби стическом литературоведении советского периода. Литературоведение – сравнительно молодая отрасль отечественной арабистики. Впрочем, это утверждение может быть распространено, пожалуй, и на всю мировую арабистику. В XIX веке, когда в Европе и в России уже сложились солидные литературоведческие школы, которые, при всех своих противоречиях, рассматривали западную литературу в первую очередь как вид художественного творчества, – востоковеды, в частности арабисты, видели в литературных произведениях прежде всего источники – исторические, религиозно-исторические, этнографические или памятники языка определенной эпохи, игнорируя их эстетическую ценность или даже вовсе отвергая самоё возможность ее существования. Лишь на заре XX в. начинают появляться работы, рассматривающие арабскую поэзию именно как поэзию, отражающую личность автора и эстетические вкусы эпохи. Большую роль в становлении этого направления сыграли труды отечественных арабистов академика В.Р. Розена (1849–1908) и особенно его ученика академика И.Ю. Крачковского (1883–1951), чьи работы, опирающиеся на положения сравнительно-исторической школы А.Н. Веселовского (1838–1906), явились новым словом в арабистике.

Судьба не была благосклонна к нашей науке: она рано унесла почти всех учеников И.Ю. Крачковского, начавших свою деятельность в первой половине XX в., среди которых был его любимец В.А. Эберман (1899–1937), чьи интересы лежали в области средневековой арабской поэзии. В результате получилось так, что именно Б.Я. Шидфар оказалась преемницей И.Ю. Крачковского в деле исследования средневековой арабской литературы как определенной эстетической системы. Однако если диапазон научных интересов учителя был весьма широк (помимо истории литературы, поэтики и риторики он обращался к арабскому языкознанию, истории, источниковедению, истории науки и т. д.), то ученица сосредоточилась на истории и теории средневековой арабской литературы, что принесло благотворные плоды, обогатив ценными новаторскими работами эту отрасль арабистики. К тому времени – середине XX в. – взлет арабистического литературоведения, несомненно, назрел: одна за другой стали появляться литературоведческие работы высокого научного уровня. Но первой здесь была Б.Я. Шидфар.

Выше я назвала Б.Я. Шидфар ученицей И.Ю. Крачковского, но по-настоящему она не успела ею стать. Правда, она поступила на восточный факультет ЛГУ в 1946 г., когда И.Ю. Крачковский еще заведовал кафедрой арабской филологии, но осенью 1947 г. академик тяжело заболел и почти прекратил преподавание, оставив себе только нескольких старших учеников, а в январе 1951 г. он скончался, не успев выпустить самую удачную из первых послевоенных групп студентов, к которой принадлежала и Бетси Яковлевна.

Но обо всем по порядку. Правда, я почти ничего не знаю о ее детстве и юности. Бетси – ее девичья фамилия Шустер – родилась 27 февраля 1928 г. под Харьковом. Родители ее, оба врачи, во время Великой Отечественной войны служили на Черноморском флоте, участвовали в обороне Севастополя и в боях под Новороссийском. Смутно помню какие-то ее рассказы студенческих времен о море, о морях; у меня даже почему-то засело в памяти, что речь шла о Северном флоте. Но нет, я выяснила, что приехала Бетси в Ленинград из Новороссийска, т. е. с Черного моря. Во время учебы в университете она жила в Ленинграде у родственников.

Почему ей дали такое странное имя «Бетси», ведь такого полного имени нет, это сокращенное от «Элизабет»? Меня уверял человек достаточно компетентный, имеющий дело с архивными документами, что «Бетси» (именно в такой форме) было довольно распространенным именем в еврейских семьях. Не знаю, мне оно больше никогда не встречалось, и много лет назад у меня даже возникло предположение, может быть, фантастическое, что назвали ее в честь одной из героинь американской писательницы Луизы Олкотт, чьей книгой «Маленькие женщины» и ее продолжениями, в конце XIX в. изданными по-русски в «Золотой библиотеке»,

зачитывались наши бабушки и мамы. Среди героинь этих книг фигурирует некая юная Бетси, образец добродетели, сочетание ангельской внешности и ангельского характера.

Соответствовала ли этому идеалу наша Бетси? В какой-то степени – по внешности: миниатюрная сероглазая блондинка со слегка выющимися волосами. «Ангелоподобию» противоречили выдвинутый немного вперед упрямый подбородок, острый носик и решительное выражение лица. А уж характер...

Она ненавидела свое «добродетельное» имя и всегда представлялась как «Лиза». Лизой звали ее все друзья по восточному факультету, где мы с ней познакомились осенью 1946 г., когда я перешла на третий курс, а она поступила на первый. Я уже упоминала, что группа, в которой училась Лиза Шустер, выделялась на послевоенном восточном факультете: в ее состав входили такие прославившиеся впоследствии ученые-арабисты, как историк халифата О.Г. Большаков, исследователь доисламской Южной Аравии А.Г. Лундин, крупнейший знаток арабской рукописной традиции А.Б. Халидов, глава дагестанской школы арабистики А.Р. Шихсаидов – всех не перечислить. Достаточно сказать, что из 10 окончивших университет в 1951 г. арабистов семеро стали докторами наук, да и остальные также внесли свой полезный вклад в востоковедение. Словно сама природа озаботилась пополнением поредевших интеллектуальных кадров – так порой происходит на пике той или иной переходной эпохи.

В этой компании Лиза не выделялась «сияющей луной, затмевающей окружающие ее звезды», как сказал бы средневековый арабский поэт, – всю группу он бы сравнил, согласно традиции, со сверкающим созвездием Плеяд, в котором Лиза занимала достойное место. Нет, я не права – все-таки было отличие, причем серьезное: Лиза училась сразу на двух факультетах. Помимо восточного, что само по себе нелегко, особенно когда речь идет о таком языке, как арабский, годом позже она окончила испанское отделение филологического факультета, плененная, как я полагаю, интересом к Арабской Испании. На филфаке к студентам в те годы предъявлялись весьма высокие требования, выработанные еще в довоенные годы; теоретическая подготовка в области литературоведения там была много выше, чем на восточном, где все еще сильны были старые, чисто филологические традиции.

Я-то знаю, что значит учиться на двух филологических кафедрах одновременно: в свое время сама пыталась, да пороку не хватило. А у Лизы получилось. Конечно, она обладала выдающимися языковыми способностями, огромной начитанностью, великолепной памятью, умением логически мыслить. Но мало того: говорят же, что талант – не помню уж, на сколько процентов, – это труд, без которого никакие способности не позволят человеку самореализоваться. Сейчас я думаю, что Лиза уже тогда умела по-настоящему трудиться (в дальнейшем я в этом ее умении убедилась), иначе как же два факультета не только с двумя разными языками, но с двумя разными учебными планами? Это не были ни натужный, поглощающий все силы труд, ни изнуряющая зубрежка записной отличницы. Училась Лиза всегда хорошо, и, казалось, все шло легко и просто, обычная студенческая жизнь. Сколько я помню Лизу, она всегда выглядела веселой, оживленной, как мне представлялось – без всяких комплексов. Сейчас я думаю, что комплексы в ее мироощущении все же присутствовали.

Факт тот, что они заметны не были, особенно человеку, не слишком наблюдательному, какой была я, потихоньку и беззлобно завидовавшая ее веселости и остроумию. Мы с нею постоянно друг другу симпатизировали, хотя подругами не были и входили в разные студенческие компании. Товарищи по факультету любили и уважали Лизу – за независимость, эрудицию, ум, острый язык; на любую насмешку она умела ответить – и еще как! Мальчики в группе (а их было большинство) видели в ней «своего парня», с которым и о серьезных вещах поговорить можно, и пошутить, и «потрепаться».

Независимость мнений иногда ей вредила. Был такой инцидент: на экзамене по общему языкознанию профессору не понравилась ее манера дер жаться – она размышляла по ходу ответа, выражалась нестандартными фразами, не выпаливала вызубренные формулировки,

даже легка поспорила с профессором, и он готов был поставить ей «тройку» или предложить прийти еще раз. Лиза предпочла последнее и пересдала экзамен на «пятерку». Мне передавала этот эпизод одна из ее сокурсниц, которая готовилась к экзамену вместе с Лизой и получила «пятерку» «с первого захода»: «Мне было так неудобно, я гораздо хуже разбиралась в материале, чем Лиза, ну так, поверхностно, и вот что вышло!»

Я не знаю, получила Лиза «красный» диплом или простой, но это не важно, официальные регалии ее не прельщали. Так или иначе, оба факультета она окончила блестяще – в смысле знаний и умений, успешно защитив оригинальную дипломную работу по испано-арабской литературе.

Но завершила она свое университетское образование в мрачном 1952 г. – в самый разгар борьбы против «космополитизма» и кампании против так называемых «врачей-вредителей», то есть в момент разгула антисемитской пропаганды в СССР на государственном уровне. При всех ее талантах о том, чтобы поступить в аспирантуру да и вообще остаться при Ленинградском университете, и речи быть не могло. Даже если бы И.Ю. Крачковский был жив, вряд ли бы и он смог чем-нибудь ей помочь.

Преемник Игнатия Юлиановича на кафедре, его ученик В.И. Беляев, прекрасно понимал трудности политической ситуации и невозможность их преодолеть, но в то же время высоко ценил Лизины возможности как потенциального молодого ученого; кстати, он никогда не называл ее «Бетси» или «Бетси Яковлевна», но всегда уважительно, в глаза и за глаза, «Елизавета Яковлевна». Бросать ее на произвол судьбы, не сохранить для арабистики было бы преступлением перед наукой, и Виктор Иванович договорился с известным арабистом М.А. Салье, переводчиком «Тысячи и одной ночи», который уже много лет работал в Ташкенте, в Институте востоковедения АН Узб. ССР, посодействовать ее устройству на работу по специальности в Средней Азии или в аспирантуру и взять на себя руководство ее кандидатской диссертацией.

Мечту об Арабской Испании пришлось на время оставить и писать диссертацию о средневековом арабском историке и философе Ибн Мискавейхе (932/936 –1030), но защищалась эта диссертация уже в следующий период жизни Лизы – московский, о котором речь еще впереди.

Среднеазиатский период протянулся сравнительно недолго и был заполнен педагогической деятельностью: сначала она работала в Бухарском институте усовершенствования учителей методистом по преподаванию русского языка, затем в Среднеазиатском госуниверситете (САГУ) преподавала арабский. Всегда, когда приходится преподавать язык, постепенно ликвидируешь все свои недоделки студенческих лет. Не знаю, были ли они у Лизы, – наверное, были, как и у нас всех, грешных, – но, так или иначе, к концу своего ташкентского пребывания она хорошо владела арабским языком, включая разговорный, в котором в наше время ленинградские студенты не имели почти никакой практики. Ее знания я смогла оценить в ту единственную нашу ташкентскую встречу, которая произошла осенью 1958 г. на I съезде писателей стран Азии и Африки. Я приехала в Ташкент в составе делегации восточного факультета ЛГУ; Лиза, в то время преподаватель САГУ, была переводчиком на съезде, и под ее опекой находился иракский поэт Бахр ал-Улюм, незадолго до того освобожденный из тюрьмы, куда он был заключен за антиправительственные стихи.

Мы с Лизой очень обрадовались встрече, и она позвала меня поработать вместе с ней. Помню, я тогда поразились, как свободно она говорит по-арабски, как чувствует себя, точно рыба в воде, в любой обстановке. Лиза очень сочувствовала своему «старичку» – так называла она того пожилого поэта, явно растерявшегося в шумной обстановке съезда, – и очень помогала ему ориентироваться в непривычных условиях. «Старичок» импонировал ей куда больше тех знаменитостей, которые привычно выходили на трибуну и чьи имена были постоянно на слуху, – как и всегда, Лиза была независима в своих суждениях.

В том же 1958 г. Лиза познакомилась со своим будущим мужем, иранским политэмигрантом Каземом Шидфаром, и переехала к нему в Москву. С тех пор вся ее преподавательская и научная деятельность была связана с Москвой. С переездом Лизы в Москву мы стали чаще встречаться – на различных научных конференциях, диссертационных защитах и т. п.

Лиза, как мне кажется, легко влилась в когорту московских арабистов и быстро заслужила всеобщее уважение. Как и в Ленинграде, я ни от кого в Москве не слышала о ней сколько-нибудь пренебрежительного отзыва. Да и ей самой была чужда ориентация на те или иные подводные течения, какие возникают нередко в больших научных коллективах. Ее оценки всегда были нелицеприятны – в старом значении слова, то есть оценки честные, без оглядки на личности, оценки, не зависящие от положения оцениваемого и личного отношения к нему, не обязательно «неприятные», «неприятные», как понимают это сейчас.

Ощущение независимости, уверенность в себе порождали и свободную, естественную манеру держаться в любой обстановке, что свойственно скорее нашим дням. Вот маленький эпизод. 70-е годы. Идет какая-то академическая научная конференция. У большей части докладчиков тексты написаны заранее, и они зачитывают их (как это было принято тогда) – кто монотонно, кто с выражением, голосом выделяя самые важные моменты. Выступает Лиза. Конечно, без всякой бумажки. Логично развивает свою тему – словно мыслит вслух. Завершила мысль. Обращается к председателю: «Сколько я времени заняла? Ах, всего 15 минут? Ну тогда я могу сказать еще вот о чем...» – и выдает блестящую законченную импровизацию, связанную с основной темой, ровно на 5 минут, исчерпав, таким образом, свой «докладный лимит».

Да, я ведь ничего не сказала о Лизиной службе в Москве – не могла же она просто быть мужней женой. После нескольких месяцев преподавания арабского на курсах Министерства внешней торговли Б.Я. Шидфар стала сотрудником Института международных отношений, последовательно – преподавателем, доцентом и, наконец, с 1976 г. – профессором; я уверена, всем новым, оригинальным, нестандартным, что появлялось тогда в программах института и методиках преподавания, кафедра арабского языка обязана ей.

Но, разумеется, преподаванием не исчерпывается вклад Б.Я. Шидфар в арабистику. Здесь, в Москве, развернулся ее дар подлинного литератора – переводчика и исследователя. Одно сопутствовало другому.

Есть много разных переводчиков. Одни, ремесленники, переводят ради денег, ради имени и славы кое-как, наскоро; другие, ученые-филологи, стремятся скрупулезно воспроизвести каждое слово автора и структуру его речи, создавая на русском языке как бы реконструкцию оригинального текста; для третьих же перевод – это прежде всего искусство, своего рода соперничество с автором, стремление постичь его мысль и душу, его видение мира, как бы сыграть его роль перед читателем; для этого нужен особый талант. А бывают редкие случаи, когда талант переводчика-художника сочетается с талантом ученого, и работа над переводом, требующая погружения в авторский текст, будит исследовательскую мысль. Тогда ученому, занятому переводом (пусть даже подстрочным), вдруг открываются в новом ракурсе законы индивидуального творчества переводимого автора и эстетические принципы, основополагающие для литературы народа, к которому он принадлежит, и эпохи, в которую он живет.

Б.Я. Шидфар обладала этим счастливым даром соединять в себе переводчика-творца и исследователя. Если рассмотреть список ее трудов, можно установить любопытную закономерность: выходит из печати перевод с ее участием – и через какое-то время появляется исследование творчества того же автора: например, 1968 г. – «Жизнь и подвиги Антары» (перевод народного романа в соавторстве с московским арабистом И.М. Фильштинским), а через несколько лет – большие статьи «От сказки к роману (некоторые черты арабского “народного романа”)» и «Генезис и вопросы стиля арабского народного романа»; в 1969 г. – сборник «Андалузская поэзия», для которого она подготовила подстрочные переводы с примечаниями и написала

предисловие, а в 1970 г. – ее собственная книжка «Андалузская литература» в серии «Литературы Востока»; в 1975 г. – сборник стихов Абу Нуваса, для которого она проделала ту же работу, что и для «Андалузской поэзии», а в 1978 г. – ее монография об этом поэте. Перечень можно продолжить.

Как это конкретно получалось, Лиза однажды поведала мне, рассказывая о рождении своей докторской диссертации «Образная система арабской классической литературы VI–XII вв.» (1972), вышедшей впоследствии (1974) отдельной монографией. Она вместе с другими московскими арабистами (М.С. Киктевым, А.Б. Куделиным, И.М. Фильштинским) делала в большом количестве подстрочники для тома «Арабская поэзия средних веков» в серии «Библиотека всемирной литературы» (М., 1975). «Понимаешь, когда я стала переводить этих поэтов одного за другим, всех подряд, у меня появлялось невероятное количество наблюдений, сходные черты, которые их объединяли, так и лезли в глаза, голову прямо распирало, я стала записывать свои соображения на отдельные листочки, с примерами или там ссылками на примеры, а потом заметки стали складываться в определенную какую-то систему, а потом я вдруг увидела, что в эту систему хорошо входят и проза, и взгляды средневековых арабских теоретиков литературы».

Думаю, тогда в нашей арабистике одна лишь Б.Я. Шидфар могла осуществить такую работу благодаря не только таланту, но и специфике ее подготовки: умение дотошно разбираться в сложном средневековом тексте, привитое кафедрой арабской филологии востфака ЛГУ, в соединении с солидной теоретической базой, полученной на ленинградском филфаке, плюс великолепная начитанность (труды В.Я. Проппа, Д.С. Лихачева, М.М. Бахтина – властителей дум тогдашних литературоведов).

Работа получилась и новаторская, и интересная, с характерным для Лизы задором (сейчас бы сказали – драйвом). Очень трудно было подобрать оппонентов: немногие доктора филологических наук, которыми располагало в те годы востоковедение, занимались совсем иными предметами. Помню, когда я вечером позвонила ей в Москву, чтобы узнать, как прошла защита, и поздравить, Лиза закричала мне в трубку: «Ух, как я тебя ругала про себя, как ругала! Ну что ты до сих пор не защитилась! Был бы хоть один оппонент, который в этом понимает!» Ругань была воспринята мною как комплимент. Согласно арабской поэтике – фигура «хула, имеющая в виду хвалу». Я очень гордилась этим комплиментом.

Диссертация, разумеется, была защищена с успехом, и книга, написанная на ее основе, для многих, занимающихся историей арабской литературы, стала настольной. Я не хочу этим сказать, что Б.Я. Шидфар была первой, кто обратил внимание на художественные закономерности средневековой арабской литературы – о них говорили и сами арабы, и европейские ученые; у того же академика И.Ю. Крачковского можно найти целый ряд замечаний относительно канонов, которым следовала средневековая арабская литература, но именно Б.Я. Шидфар была первой, кто увидел в сочетании этих канонов определенную систему с прочными взаимосвязями. Монография «Образная система» мне представляется важнейшей в ее творческом наследии.

Если же говорить о монографиях, посвященных отдельным авторам, то, в соответствии с ее характером, Бетси Яковлевну привлекали бунтари, чье творчество так или иначе выходило за рамки давно сложившихся форм, господствующей идеологии или распространенных научных представлений. Это дерзкий поэт времен Харуна ар-Рашида (конец VIII – начало IX в.) Абу Нувас, насмежавшийся над излюбленными традициями бедуинской поэзии. Это великий медик, поэт и философ Ибн Сина (Авиценна), ниспровергавший предшествующие правила медицины и в одном из своих трактатов попытавшийся представить оригинальную систему мироздания. Это поэт-философ Абу-л-‘Ала’ ал-Ма‘арри (973–1057 или 1058), острый сатирик, подвергавший сомнению и высмеивавший все религиозные учения и провозглашавший разум основой всего сущего. Характеризуя эти и другие подобные работы Б.Я. Шидфар, необходимо

еще раз подчеркнуть то, что материал для них никогда не брался из вторых рук, все в них основано на самостоятельно изученных и интерпретированных арабских подлинниках, что является залогом их оригинальности и надежности.

Она настолько чувствовала живыми своих героев, что даже задумала написать роман об Абу Нувасе. Впрочем, если не ошибаюсь, идея написания романа предшествовала монографии.

Я полагаю, литературный талант Бетси Яковлевны позволил бы ей написать целую серию романов о знаменитых личностях арабского Средневековья, что, помимо чисто литературного интереса, имело бы просветительское значение, препятствуя расхожему одностороннему представлению о мусульманском мире. Но этому не суждено было состояться, и ее литературные дарования нашли воплощение в переводах.

Я уже говорила здесь о подходе Бетси Яковлевны к переводу – подходе и художника, и исследователя одновременно. Настало время рассказать о ее переводческой деятельности более подробно. Б.Я. Шидфар переводила и стихи, и прозу. Если говорить о стихах, то здесь количество выполненных ею подстрочников превышает количество самостоятельных стихотворных переводов. Все ее переводы прекрасно сделаны, разумеется, в них не встретишь никакой «развесистой клюквы»; умела она ощутить и передать индивидуальный стиль поэта. И хотя я не всегда была согласна с теми или иными ее решениями, признаю с полной ответственностью: это настоящие стихи, из которых не торчат «переводческие уши», и подлиннику они соответствуют.

Почему же их так мало? Мне кажется, исследователь здесь вытеснял переводчика: ведь отделка стихотворного перевода требует много времени и особой сосредоточенности на деталях, а Лизу исследовательская мысль все время тянула вперед. И все-таки жаль: лучше бы она одарила наделенных литературным вкусом читателей своими поэтическими переводами, чем снабжала непрофессиональных ремесленников высококачественными подстрочниками.

Переводческое кредо Б.Я. Шидфар сформулировано ею в опубликованном посмертно послесловии к переводу Корана. Это решительный отказ от буквализма, «так как принцип искажает и затемняет подлинник, создавая ложное впечатление об оригинале». Цель перевода, по ее определению, – «как можно точнее передать не только фактическую сторону, но и художественные особенности [оригинала]». Разумеется, такой подход распространялся у нее на перевод любого памятника литературы. Буквализма она не терпела абсолютно и часто, с присущим ей остроумием, приводила примеры из переводов, казалось бы, филологически точных, где для каждого слова найден правильный словарный эквивалент, а текст в целом приобретает при этом двусмысленный оттенок, какой и не снился автору.

Большое внимание уделяла Бетси Яковлевна передаче формы не только в стихотворных, но и в прозаических переводах арабской классики. Средневековые арабские авторы в стремлении украсить прозаическую речь нередко прибегали к ее ритмизации и вкраплению рифмованных пассажей, что, по их мнению, помогало лучше оттенить те или иные нюансы смысла. При этом Бетси Яковлевна, переводя прозу, никогда не поддавалась соблазну поиска редкостных изысканных рифм и воспроизведения сплошной рифмовки текста, даже там, где она задана оригиналом: это, по ее справедливому утверждению, чуждо уху и глазу русского читателя и может заслонить собою глубинный смысл текста, т. е. произвести обратный эффект. Она как бы намечала такую рифмовку пунктиром, помещая в конце каждого ритмического отрывка аналогичные грамматические формы, применяя богатую рифму лишь от случая к случаю. Подобный подход давал прекрасные результаты, свидетельством чему служит выполненный ею перевод «Послания о царстве прощения» Абу-л-'Ала' ал-Ма'арри, а также последняя ее работа – перевод Корана.

Работая над переводом того или иного арабского памятника, Бетси Яковлевна прежде всего заботилась о читателе, но в то же время не «играла с ним в поддавки» – не облегчала,

специально не русифицировала текст: да, он должен хорошо звучать по-русски, должен быть понятен русскоязычному читателю на том уровне, на каком он был понятен арабскому со времени автора, и в то же время ход мысли автора, система образов, реалии – все это призвано вводить читателя в прежде неизвестный, но теперь постигаемый им художественный мир. Б.Я. Шидфар много сделала для ознакомления наших соотечественников с арабо-мусульманской культурой (было бы желание знакомиться!) и, конечно, создала первоклассную литературную подборку для студентов-востоковедов, имеющих теперь возможность входить в знакомство с арабской литературой с помощью таких высококачественных переводов.

Мы с Лизой сходились во взглядах на перевод. Я была такой же противницей буквализма и придавала такое же значение передаче формальных параметров оригинала, в частности – ритма и рифмы. Поэтому, когда в начале 80-х гг. встал вопрос об ответственном редакторе книжки моих переводов из древней поэзии «Аравийская старина», я без колебаний обратилась к Лизе, а та без колебаний согласилась. Конечно, она не сидела над моей рукописью со словарями и с карандашом в руке – она доверяла моим знаниям и вкусу, не говоря уже о том, что материал этот она знала прекрасно. Ее редактирование свелось к тому, что я посоветовалась с ней по поводу нескольких своих переводческих решений и относительно того, как давать в справке об авторах расходящиеся в разных источниках даты их жизни (ведь дело было давно, еще в дописьменную эпоху, противоречия здесь неизбежны!). «Возьми по «Мунджиду»¹, – ответила она, не задумываясь, – арабам сам Бог велел знать, кто из их классиков когда жил. Пожалуй, для популярного издания скрупулезная точность с указанием незначительных расхождений в датах и вправду была непринципиальна.

При солидной педагогической нагрузке у нее брались время и силы для интенсивной научной работы. При этом нельзя забывать о ее семейных обязанностях. Как-то один наш уважаемый петербургский профессор, заметив, что я ухожу с научного заседания (честно говоря, мне совершенно не интересного) под вполне реальным предлогом оставленного дома маленького ребенка, выговорил мне назидательным тоном: «Если женщина хочет заниматься наукой, ей не следует иметь детей. Вот возьмите Веру Александровну Крачковскую или Нину Викторовну Пигулевскую...» Лиза блестящим образом опровергла это утверждение: у нее был не один, а двое детей, вполне «присмотренных» и ухоженных, и в доме не было «рабочего беспорядка», который порой прощается ученым дамам. Это был нормальный семейный дом, убранный, без чрезмерного изыска; меня поразило только обилие хрустальных ваз, вазочек, салатниц, бокалов и прочей посуды. «Я – как сорока, люблю блестящее, вот хрусталь всегда покупаю на гонорары», – пояснила Лиза.

Я редко бывала у нее, ведь мы жили в разных городах. Хорошо запомнился один мой визит к ней в то время, когда она была редактором «Аравийской старины», наверное, в начале 80-х гг. Мы обсуждали на кухне какие-то переводческие проблемы, причем Лиза в это время жарила пирожки, что ничуть не мешало нашему диалогу. Вероятно, многое, впоследствии занесенное на бумагу, обдумано было именно за хозяйственными делами, – как Марина Цветаева писала в свое время Борису Пастернаку: лучшие рифмы, как ни странно, приходят в голову почему-то не за письменным столом, а над корытом с бельем.

Дочка Маша (Марьям) – ей было лет 10 – тем временем накрывала на стол; она и стеснялась, и очень гордилась порученным ей ответственным заданием. Мама Лиза наблюдала за нею «внешним уголком глаза», как выразился бы рассказчик «Тысячи и одной ночи», и время от времени, отвлекаясь от пирожков и беседы со мной, давала ей соответствующие указания. Рамин, старший сын, в это время делал уроки в другой комнате.

---

¹ «Ал-Мунджид» – выдержавший много изданий арабский толковый словарь (Бейрут), вторую часть которого составляет иллюстрированный справочник наподобие французского «Ларуса».

Потом вся семья собралась за столом – молчаливый отец, дети, Лиза и ее мама, маленькая тихая старушка. Конечно, центром, вокруг которого все группировалось, была именно Лиза.

Я не помню нашей последней встречи – наверное, она произошла как-то на бегу, может быть, где-то в начале перестроечных лет, когда московско-ленинградские связи ослабели и смешались. И о безвременной, для нас неожиданной, кончине Лизы (28 мая 1993 г.) мы в Петербурге узнали с большим опозданием, от нас никто так и не был на ее похоронах.

Мне кажется, о Б.Я. Шидфар слишком мало вспоминают. Незаслуженно мало. Может быть, дело в том, что она писала очень просто, не любила щеголять современной научной терминологией к месту и не к месту?

И никогда не гналась за славой; при всех своих умениях была совершенно неприспособлена к тому, что нынче называется «пиар». Но в других, более существенных, аспектах она, опередив свое время, стала человеком уже нового века благодаря свойственной ей свободе мысли и ее выражения, соединению склонности к теоретизированию и прагматичности, умению реализовать свои таланты с помощью неустанного труда, которого она никогда не чуралась, чувству собственного достоинства и независимой манере поведения.

А. А. Долинина

Блудный сын своего времени (Вместо предисловия)

*Приобретайте знания, ибо много иметь – это жадность, а много
знать – это мудрость.*

Абу Нувас

Мысль издавать книжную серию «Библиотека журнала “Четки”» появилась на свет едва ли не в один день с идеей издания самого журнала. Однако нам пришлось прожить несколько непростых лет, прежде чем мы смогли привести в исполнение этот дерзкий замысел.

Прежде всего необходимо было удостовериться, что проект издания единственного в мире мусульманского литературно-философского журнала на русском языке не окажется мертворожденным. Время оправдало наши надежды: концепция журнала пока что не исчерпала себя, и мы остались верны заложенным в основание «Четок» принципам.

Теперь пришло время отыскать ответ на важный вопрос: каким произведением мы откроем новую книжную серию издательства?

Стартовать с перепечатки какого-нибудь сто лет не издававшегося сочинения слегка подзабытого классика нам не хотелось. Напечатать перевод произведения выдающегося писателя мусульманского Востока представлялось нам очевидным и самым простым решением, и потому эта мысль также не нашла сочувствия в наших сердцах. Тогда мы обратились к нашим современникам, творящим на русском языке, но и здесь нас ждало разочарование. Всякий раз выходило что-то одно: либо произведение обладало всеми литературными достоинствами, но не вписывалось в концепцию журнала, либо, напротив, вполне устраивало нас в содержательном плане, но не выдерживало никакой критики с художественной точки зрения.

Мы уже подумывали отказаться от издания серии до лучших времен, но счастливый случай самым решительным образом воспрепятствовал этому.

Как-то вечером, когда все уже собирались расходиться по домам, к нам в издательство явился необычного вида человек, представившийся любимым сыном известного востоковеда Бетси Яковлевны Шидфар – Рамином. На дне его рюкзака ждала встречи с нами пухлая зеленая папка. В папке этой, подобно джинну из восточных сказок, более тридцати лет томился роман «Абу Нувас».

Начав изучать «Абу Нуваса», мы поначалу решили, что стали жертвой литературной мистификации. Мы уже почти не сомневались, что автор романа – какой-нибудь араб или перс, живший Аллах знает когда, а никак не советский востоковед: столь достоверно переданы детали или, если быть точнее, стиль эпохи, в которую жил поэт Абу Нувас. Но сомнения улетучились, когда мы поближе познакомимся с научным наследием Бетси Яковлевны. Блестящий знаток классической арабской литературы, она смогла передать вкус, запах и цвет той эпохи, словно и впрямь была лично знакома с самим «арабским Гейне», как называют Абу Нуваса на Западе.

Вырвавшись из оков удивления, мы задались вопросом: почему же такой замечательный роман до сих пор не осчастливил читателя своим появлением на свет?

Тем, кто не знаком с содержанием «Абу Нуваса», ответ покажется простым, как два дирхема, – все дело в биографии поэта: слишком уж много в ней того, что не согласовывалось с пуританской моралью советского общества, частью которого была Бетси (Елизавета) Яковлевна Шидфар. Но так может рассуждать лишь тот, кто не читал роман.

Автору удалось совершить невероятное: целомудренно написать о, казалось бы, совершенно нецеломудренном.

Поэта Абу Нуваса, каким он известен большинству ценителей и знатоков арабской литературы, и в самом деле сложно назвать образцом добродетели. Беспутный гуляка, пьяница – таким не одно столетие является Абу Нувас со страниц произведений, авторы которых не утруждали себя изучением подлинной биографии поэта. Что ж поделаешь: невзыскательный любитель легкого чтения обожает таких персонажей. Они соответствуют его непритязательному вкусу, кажутся достойными его самого.

Желание угодить такому читателю (или слушателю – в зависимости от эпохи и аудитории) не раз побуждало не обремененных чувством ответственности авторов пускаться на разного рода выдумки. Задача существенно упрощалась, если прототип еще при жизни капитально «оброс» слухами и легендами. В этом смысле Абу Нувас был идеальной фигурой для сочинителей всех мастей. В результате мифический Абу Нувас стал жить обособленно от подлинного Абу Нуваса, или, иначе говоря, жизнь поэта перестала принадлежать ему самому. Примерно то же самое случилось и с другим известным стихотворцем и выдающимся ученым мусульманского Востока – Омаром Хаййомом, которого массовая культура превратила в примитивного винопийцу и неумного сладострастника, всю свою жизнь положившего на воспевание собственных пороков.

К чести Бетси Яковлевны, она не стала тратить много времени и усилий на ниспровержение созданного в народном воображении образа Абу Нуваса. К этому делу она подошла не как писатель-беллетрист, жаждущий скорого успеха у читателя, а со всей ответственностью кабинетного ученого.

Известно, что в 1978 году издательством «Наука» в серии «Писатели и ученые Востока» вышла одноименная книга «Абу Нувас» за авторством Бетси Яковлевны Шидфар. Но это была научно-популярная монография, а не роман: последний был закончен несколько позднее. Мы не берем на себя смелость дать точный ответ на вопрос: можно ли рассматривать роман «Абу Нувас» в качестве побочного продукта своего более удачливого тезки, напечатанного более тридцати лет назад «Наукой»? Быть абсолютно уверенным здесь нельзя – как в известном споре о курице и яйце. Очевидно лишь одно: всей своей предыдущей научной работой вольно или невольно Б.Я. Шидфар прокладывала путь к тому, чтобы однажды взяться за написание этого романа. Поэтому предшественниками романа «Абу Нувас» можно назвать не только упомянутую монографию, но и предисловие Бетси Яковлевны к изданной в 1976 г. той же «Наукой» книге «Подлинные рассказы о могущественном халифе Харун ар-Рашиде, остролюбивом Абу-Нувасе и хитроумном Джухе», представляющей собой сборник арабских сказок и анекдотов. В своем предисловии к этому изданию Б.Я. Шидфар проводит четкую границу между мифическим и реальным Абу Нувасом. На роль предтечи романа вполне подойдут и переводы из книги ал-Исфагани «Книга песен», в т. ч. глава «Рассказы об Абу Нувасе и Джинан», а также главы о других поэтах – современниках Абу Нуваса, выполненные Шидфар примерно в тот же период, к которому мы относим работу над романом «Абу Нувас».

Прочная научно-исследовательская база, лежащая в основе упомянутых работ, позволила автору максимально достоверно рассказать не только о самом поэте, но и о его времени.

Для воссоздания подлинного образа поэта и эпохи, в которую он жил, Бетси Яковлевна изучила колоссальный объем литературы: от многотомной «Истории народов и царей» ат-Табари до лейденского издания 1867 г. «Книги стран» Якуби. Однако главным источником для написания романа стали произведения самого Абу Нуваса. Бетси Яковлевна провела жесткий отбор стихов, приписываемых поэту, оставив лишь те из них, которые, на строгий взгляд автора, принадлежали его перу. Впоследствии отрывки из этих стихов в переводе Б.Я. Шидфар стали органичной частью романа.

Кропотливая атрибуция произведений Абу Нуваса имеет значение не только для изучения литературного наследия поэта, но и для выявления вопиющих несостыковок в его биогра-

фии, встречающихся у некоторых авторов. На это иронично указывает сама Б.Я. Шидфар в упоминавшейся монографии:

«Если сравнить высказывания Ибн Джинни с многочисленными рассказами о пирушках, имеющимися у Абу Хиффана, возникает недоуменный вопрос: как же мог поэт, проживший чуть более 50 лет, успеть создать столько великолепных стихов и выучить наизусть многие тысячи чужих строк, если постоянно был занят пирушками? Даже если предположить, что многие стихи Абу Нуваса, имеющиеся в современном издании его дивана, были созданы не им, а его друзьями и современниками – в первую очередь Муслимом ибн аль-Валидом и Хусейном ибн ад-Даххаком аль-Хали, то и при таком предположении окажется, что стихов, бесспорно принадлежащих Абу Нувасу, больше, чем дошедших до нас стихов любого поэта – его современника. . . . Как же согласовать эти почти бесспорные факты с «Повествованиями об Абу Нувасе», в которых он предстает как праздный весельчак, любимый поэт халифа Харуна ар-Рашида и его шут, главное действующее лицо пикантных, часто в высшей степени непристойных историй, героями которых являются также Зубейда – своевольная жена халифа, его невольницы и наложницы, придворные и евнухи»².

Конечно, Абу Нувас в романе Шидфар – далеко не святой, но это уже и не тот шут и гуляка, знакомый нам по «Тысяче и одной ночи», образ которого никак не вяжется с создателем шедевров арабской классической поэзии.

Для Б.Я. Шидфар Абу Нувас – прежде всего большой поэт. Готовый рискнуть жизнью ради своих убеждений. Не склоняющий голову перед сильными мира сего. Не лицемерящий перед Владыкой жизни Вечной. Не продающий свою душу за деньги. Легкий, но не легковесный гений, которому завидуют друзья, которого обожают женщины, ненавидят лицемеры, уважают властители.

Нельзя не согласиться с автором в том, что любую личность необходимо рассматривать в контексте эпохи, в которой она жила. Поэт Абу Нувас – подлинное дитя Аббасидского халифата времен его наивысшего расцвета. В те времена благочестие мирно уживалось с пороком, героизм – с трусостью и предательством, аскетизм – с роскошью, честность – с мошенничеством. Не случайно описание эпохи в романе вызывает не меньший, а, может быть, даже больший интерес, чем биография самого поэта.

Абу Нувас жил и творил при нескольких халифах, но не случайно его прежде всего называют современником легендарного Харуна ар-Рашида – одной из наиболее противоречивых фигур в истории ислама. Язык не поворачивается окрестить Харуна безбожником, хотя многие поступки халифа не могут не вызвать осуждения в глазах мусульман, равно как неверно считать его идеальным мусульманским правителем, несмотря на его многочисленные заслуги как государственного мужа.

На фоне многих современников, для которых двойная мораль была неотъемлемой частью их собственного «я», Абу Нувас выглядит цельной фигурой, человеком со стержнем, как принято сейчас говорить.

Придворного поэта нескольких халифов династии 'Аббасидов Абу Нуваса невозможно назвать ревностным мусульманином, педантично соблюдающим все предписания ислама. Но было бы вместе с тем непростительной ошибкой обвинять Абу Нуваса в неверии, атеизме, как это опрометчиво делали некоторые авторы. Это хорошо понимает и Б.Я. Шидфар. Несмотря на распространенную в советское время тенденцию отыскивать среди выдающихся людей Средневековья атеистов и материалистов, Шидфар избегает соблазна вписать Абу Нуваса в ряды закоренелых безбожников.

Абу Нувас был грешным человеком, но он никогда не отрицал того, что нет бога кроме Аллаха и Мухаммад – Его пророк. Своими сатирами он бичевал не ислам (это признает и

---

² Шидфар Б.Я. Абу Нувас. – М., 1978. – С. 22–23.

сама Шидфар в своей научной монографии), а прежде всего тех лицемеров, кто, прикрываясь религией, жил двойной жизнью. В те времена у такого человека, как Абу Нувас, выбор был небольшой: или жить с двойной моралью, или открыто делать то, что другие совершали тайно. Ненависть к лицемерию во многом объясняет и эпатажное поведение поэта.

И по сей день много споров вызывают так называемые покаянные стихи Абу Нуваса. Сложно сказать, раскаялся ли поэт в конце жизни, как об этом любят писать некоторые мусульманские авторы, или продолжал отстаивать свои взгляды на свободу творчества, как утверждают либерально настроенные ученые. В романе Б.Я. Шидфар поэт решительным образом отвергает распространившиеся по Багдаду слухи о его раскаянии, возникшие благодаря сочиненным им покаянным стихам, написанным в жанре *зухдийат*.

Лишь на смертном одре Абу Нувас, отбросив иронию, обращается ко Всевышнему – как и полагается выдающемуся поэту, не прозой, а стихами:

*Я прошу у Тебя дать мне силу и мужество,
Я прошу приблизить меня к Твоему жилищу, хотя оно далеко.*

Что это – позднее искреннее раскаяние и мольба о прощении? Едва ли мы когда-нибудь узнаем ответ на этот вопрос.

Так стоит ли тратить драгоценное время на поиск того, что скрыто от нас Всевышним? К чему увлекаться празднословием и отказывать себе в увлекательной прогулке по Багдаду времен легендарного халифа Харуна ар-Рашида? Пускай же нашим проводником будет один из наиболее выдающихся представителей эпохи Мусульманского Ренессанса – поэт Хасан ибн Хани ад-Димашки по прозвищу Абу Нувас...

Р.И. Беккин

Книга первая

I

*«Остановитесь, поплачем, вспоминая о любимой и ее шатре,
В песчаной долине, между Дахулем и Хаумалем...»³*

Глухой, немного гнусавый голос учителя слабым эхом отдается под невысокими сводами мечети, усыпляя мальчика, зачарованного мерным ритмом звучных стихов, услышанных им вчера от бродячего сказителя. Он сразу запомнил начало, а теперь старался вспомнить, что было дальше. Все расплылось у него перед глазами, и в полумраке маленькой мечети, где в отраженном свете жаркого утреннего солнца пляшут пылинки, ему чудится марево пустыни, заброшенные шатры, земля, усыпанная высохшими шариками овечьего помета, и вдалеке фигура всадника на высоком вороном коне.

Мальчик щурится, чтобы приблизить видение, и ему кажется, что он видит лицо всадника под белым платком, перевязанным туго свитым черным волосяным шнуром, – впалые смуглые щеки, высокий лоб, большие грустные глаза поэта, скитальца и царя Имруулькайса.

«Мой конь нападает и заманивает,
Он скачет и вперед, и назад.

Он сбросит с седла неопытного юношу,
Над ним развевается плащ опытного всадника», —

всплыли в памяти строки, особенно понравившиеся мальчику, и ему показалось, что это он мчится на вороном коне, нападая и заманивая, сжимая в руках гибкое вороное копьё.

– Я син...* – нараспев тянет учитель, и детские голоса подтягивают ему:

– Я син: во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного, Я син, и Мудрый Коран, ты воистину из тех, кому сан пророчества дан, твой прямой путь светом истины осиян...

Глаза учителя обращаются на мальчика, который шевелит губами не в такт. Привычным ухом учитель слышит, что мальчик не участвует в чтении, он шепчет что-то постороннее, отвлекшись от урока. Длинной бамбуковой тростью учитель слегка ударяет мальчика по голове. Голоса умолкают, все ученики смотрят на провинившегося. А учитель говорит:

– Хасан, повтори, что мы сейчас читали из Благородного Корана! Мальчик, не отдавая себе отчета в том, что говорит, нараспев произносит:

– Я син, во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного, Я син и Мудрый Коран, ты воистину из тех, кому сан пророчества дан, твой прямой путь светом истины осиян.

– Хорошо, – вздыхает учитель, – ты самый способный из моих учеников, Хасан, и запоминаешь все, не слушая, но если я еще раз увижу, что ты отвлекся, я накажу тебя!

И учитель начинает суру сначала.

– Я син...

Теперь Хасан повторяет слова Священной Книги вместе с другими и постепенно входит во вкус. Он находит в этих строках ритм, немного не такой, как в понравившихся ему стихах Имруулькайса, но своеобразно красивый:

---

³ Пояснения к словам, помеченным звездочкой, см. в конце романа.

– ... Знамение им – земля мертвая, которую оживили Мы и вывели из нее злак для их пропитания. И взрастили Мы на ней сады, и пальмовые рощи, и виноградники, и прорыли реки для орошения. Пусть едят они от плодов Моих и плодов рук своих, неужто не будут они благодарными? Хвала Тому, Кто сотворил все виды того, что произрастает на Земле, и лю дей разных, и неведомые им творения. И знамение для них – ночь, с кото рой сдираем Мы дневной свет – и вот во мраке все мироздание. И Солнце идет по назначенному пути по велению Всемогущего, Всеведущего. И путь Луны распределили Мы по стоянкам, пока не становится она подобной ис сохшей желтой финиковой грозди ободранной*.

Хасан пробует читать эти слова так, как читал стихи, теперь он видит уже не всадника на высоком вороном коне, а ослепительно-яркое солнце, движущееся по тверди небесной, ущербный месяц, тонкий и изогнутый, как гроздь фиников, – чудеса, доказывающие могущество Всевышнего. Интересно, а какое оно – это могущество? Может быть, оно похоже на блестящие сабли, которые мальчик видел у воинов наместника, а может быть, на бамбуковую палку учителя? И что такое «Я син»? Если произнести протяжно это слово, оно шипит, как змея. Может быть, это и есть большая змея, вроде той, которая недавно заползла к ним в дом и всех перепугала?

И неожиданно для себя Хасан спрашивает:

– Учитель, а что такое «Я син»?

Звонкий голос мальчика пререзает монотонный распев учеников, и они снова замолкают.

Взбешенный учитель кричит:

– Возьмите его!

Двое самых рослых мальчиков – помощники учителя – хватают Хасана, валят его на землю, и зажав ноги колодками, поднимают их, а учитель бьет своей гибкой тростью мальчика по пяткам. Это очень больно. Хасан скрипит зубами, закрывает глаза. Он не хочет плакать, но слезы сами текут из-под закрытых век, слезы бессильной ярости. Что он сделал учителю? Он знает Коран лучше всех, он принес учителю сегодня две сдобные лепешки и пять серебряных монет – плату за месяц. За что же учитель бьет его? Он хочет знать, что такое «Я син», ему неинтересно повторять слова, которые ничего не значат.

Наконец учитель опускает палку и приказывает отпустить Хасана. Урок продолжается. Теперь учитель спрашивает мальчиков, они повторяют суру «Я син». Незнающие получают свою долю побоев. Хасана учитель не спрашивает. Мальчик сидит, подобрав под себя ноги. Они распухли и горят, но Хасан не чувствует боли. Он сжал в кулаке камешек, подобранный на полу, и ему кажется, что у него в руке обломок скалы, которую Аллах обрушил на неверных. С какой радостью он запустил бы его в голову учителю!

Но ведь, как говорят, учителя куттабов* – самые глупые люди на свете! И Хасан с удовольствием начинает вспоминать все рассказы о глупых учителях, услышанные им на улице. Говорят, что однажды один из мальчиков, которые ходили в куттаб учителя Абд ас-Самада, перестал посещать уроки. Учителю это было невыгодно – он лишился двух лепешек, которые мальчик приносил ему каждый день. Абд ас-Самад отправился к дому своего ученика, долго стучался в ворота, но никто не открыл. Он стал расспрашивать соседей, и те ему рассказали, что у мальчика пропала собака и он очень горевал. «Какая собака, маленькая или большая?» – спросил учитель. «Маленькая», – ответили соседи. «А какой голос был у нее?» – «Тонкий голос, она часто лаяла ночью и мешала нам спать. Должно быть, кто-нибудь убил ее». – «Да благословит вас Аллах!» – воскликнул Абд ас-Самад и, подойдя к дверям дома мальчика, встал на четвереньки и стал лаять тонким голосом, надеясь, что мальчик, услышав его лай, подумает, будто это его собака, и выйдет. Тогда учитель схватит его и отведет в куттаб. Хасан представил себе, как их коротконогий пузатый учитель бегаёт вокруг их дома и лает.

А другой учитель – он не помнит его имени, – проходя по улице, услышал, как кто-то произносит стихи:

«Покинула меня Суад, и я больше не увижу ее...»*

Учитель зарыдал и, прибежав к себе домой, стал рвать на себе бороду и громко плакать. Встревоженные соседи спросили у него: «Что с тобой, почему ты плачешь?» И учитель ответил им: «Как же мне не плакать, ведь Суад ушла, и мне ее не найти!»

Вот какие эти учителя, чего же ждать от них? Эти мысли немного утешают Хасана. Наконец урок кончился, можно идти домой. Мальчики с шумом выбегают из мечети.

После сравнительно прохладного полумрака палящее полуденное солнце заставляет закрыть глаза. От раскаленных стен струятся потоки воздуха, и, змеясь, поднимаются к небу. Улицы Ахваза пустынные, купцы заперли свои лавки и отдыхают, носильщики и лодочники растянулись на земле, узорчатые листья финиковых пальм отбрасывают причудливые тени. Но прохлады нет, даже вода арыков, текущих вдоль улиц, кажется, кипит на солнце.

Только в винных лавках, рассеянных по прибрежной улице, шумно, как всегда. А ближе к рынку всегда можно увидеть медленно и гордо бредущих верблюдов. Одни навьючены разным товаром, на седле других сидят кочевники. Мерно качаются выюки, колышутся между горбами паланкины – деревянные люльки, поверх которых накинута полосатая грубая ткань. В паланкинах сидят женщины и дети кочевников.

Хасан любит бедуинов, его привлекает и их гордое спокойствие, и безудержный гнев, и остроумие. Самое интересное зрелище – перебранка бедуина с покупателями, которые останавливаются перед товарами, привезенными кочевниками на продажу, – верблюжьим молоком, сыром, войлоком и диким медом. А как ловко они складывают стихи! Вот и сейчас толпа окружила высокого изможденного степняка, который торгуется с горожанином. На кочевнике изодранный шерстяной плащ, грубые сандалии, голова покрыта платком. Подняв высохшие и темные, как головешки, опаленные солнцем и ветром руки, бедуин восклицает:

– О, сидящий в доме, о, цепляющийся за подол своей жены, о, ты, лицо которого подобно круглой миске, знаешь ли ты, что сказал доблестный воин, покровитель бедняков и нищих Урва ибн аль-Вард? Когда такой, как ты, стал упрекать его в худобе и бедности, он ответил:

«Ты смеешься надо мной, потому что видишь, что ты толст,
А мое лицо измождено трудами – доблестный всегда трудится,

Ведь я человек, делящий свою еду с многими,
А ты человек, пожирающий сам еду других.

Я разделил свое тело среди многих тел,
Но пью только чистую воду, не смешивая ее с притеснениями». —

Ты хочешь получить это молоко, собранное медовым выменем моей благородной верблюдицы, даром? Нет, клянусь Тем, в Чьей руке моя жизнь, я отдам его не меньше, чем за пять дирхемов бурдюк!

Зрители хохочут, поощряя бедуина возгласами, а он, опершись на свой пастушеский посох, по обычаю бедуинских поэтов, продолжает свою речь. Наконец он сторговался с купцом, они быют по рукам, сделка состоялась, а Хасан бредет дальше. Вот и их дом, окруженный высокой стеной. Хасан берет в руки тяжелый дверной молоток и изо всей силы стучит.

Дверь открывает сосед. Войдя, Хасан слышит необычный шум. Во дворе какие-то посторонние люди, из дома доносятся вопли и причитания. Когда мальчик, удивленный необычным

шумом, подбегает к дверям дома, навстречу ему выходит лекарь, чья лавка помещается на соседней улице. Едва не сбив его с ног, Хасан вбегает в дом.

Отец, всегда жизнерадостный и веселый, лежит на кровати. Его глаза закрыты, на полу стоит наполненный густой красной жидкостью таз, видно, лекарь только что пускал отцу кровь. Из задней половины дома доносятся рыдания женщин – матери, сестер и соседок. У постели отца сидит его друг – стражник Али. Он родом из Дамаска, как и отец.

– Что случилось с отцом? – спрашивает его Хасан.

– Аллах милостив. Твой отец, как обычно, стоял на своем посту. К утру он стал жаловаться на головную боль, я проводил его домой и привел лекаря, чтобы тот пустил ему кровь. Но ему стало хуже после кровопускания. – Помолчав немного, Али говорит: – Аллах милостив, он не оставит вас сиротами.

Отец стонет. Хасан бросается к нему и подносит к губам чашку с водой, смешанной с лимонным соком. Но вода проливается на постель, отец не может поднять голову, и глаза его по-прежнему закрыты. Наступает вечер. Али ушел, у постели сидят мать Хасана, его сестры и младший брат.

Потом приходит ночь. Какая страшная ночь! Хасан никогда не забудет ее. Отец мечется в жару и бормочет непонятные слова, лицо его покраснело, он совсем не похож на себя. Мать шепчет молитвы, потом, закутавшись в покрывало, выбегает из дому.

Она приводит с собой старуху, знающую древние молитвы магов-огнепоклонников, ведь мать Хасана – из древнего персидского рода. Может быть, поможет священный огонь? Старуха приносит с собой пахучие травы, разводит огонь в медном котелке и бросает в него травы. Они вспыхивают, к потолку взлетает сноп искр, языки огня извиваются, бросая причудливые тени, старухина тень растет, и она кажется сказочной великаншей, злым духом, покинувшим пустыню; она бормочет непонятные заклинания, наклоняясь к огню.

Наконец наступает утро. Усталые дети заснули, мать подошла к больному и положила ладонь ему на лоб.

Мальчика будят пронзительные вопли матери:

– Вставайте, несчастные, ваш отец умер!

Хасан не помнит, что было дальше. Как сквозь сон ему чудилась суeta в доме, какие-то длиннородые старики, друзья отца, приносящие соболезнования. Его не покидает ощущение своей вины. Может быть, Аллах покарал его отца за то, что он был невнимателен на уроке и плохо читал Благородный Коран? Но тогда надо было покарать не отца, а его самого. Видно, Аллах вовсе не так милостив, как говорят...

Опомнился Хасан в дороге. Мать расплатилась с домовладельцем, распродала небогатую утварь, связала в узлы все, что могла взять с собой, и отправилась в Басру. Соседка сказала ей: «Басра – большой город, а ты ведь искусна в стирке. Ты сможешь зарабатывать стиркой и пристроить своих детей к достойным людям».

И вот Хасан покачивается в паланкине на спине высокого светло-рыжего верблюда. Один из бедуинов, пожалев вдову, взялся доставить ее за небольшую плату в Басру. Так вот она какая, степь, воспетая поэтами в звучных стихах! Кругом холмы, кое-где покрытые чахлой травой, справа тянется пересохшее русло протока, глубокая долина, по которой весной, сметая все на своем пути, мчит бешеная вода. На серо-желтой земле черными пятнами выделяются норы тушканчиков, высоко в небе парит степной орел.

Говорят, в этих местах раньше было много львов, рассказывает погонщик, шагая рядом с верблюдом, но теперь они ушли далеко в заросли тростника, к болотам Басры, в места, недоступные для людей. Бедуин идет мерным шагом, и кажется, никогда не устанет. Трудно понять, сколько ему лет, – его спина пряма, как у молодого, но лицо покрыто глубокими морщинами,

то ли от старости, то ли от лишений. Мальчика сильно беспокоят прямые лучи солнца, а проводник, кажется, совсем не чувствует их слепящего жара.

– Твоя мать из Хорасана?* – спрашивает он вдруг.

– Нет, она родом из Хузистана*, а мой отец был чистокровный араб! – с гордостью говорит Хасан.

Ему льстит, что кочевник говорит с ним, как с равным, и, желая показать, что он заслуживает этого, Хасан добавляет:

– Я учился в куттабе и знаю наизусть весь Благодородный Коран, а еще я знаю муаллаки*, несравненные строки времен бедуинской старины.

Мальчик хочет начать стихи, но бедуин, не слушая его, говорит:

– Среди персов тоже бывают благородные и щедрые люди. Вот, к приме ру, незабвенный герой и доблестный полководец Абу Муслим аль-Хорасани*, да будет Аллах милостив к нему!

В год, когда Абу Джафар аль-Мансур* стал халифом, Абу Муслим проезжал по этим местам, направляясь в Мекку для паломничества. Клянусь Аллахом, мне не пришлось в жизни видеть такого человека! Своей щедростью он сравнился с Хатимом* из племени тай. Сколько палаток он раздал жителям наших становищ! Он дал мне красной материи столько, что мне хватило на всю мою семью на несколько лет, а все потому, что, проезжая мимо нашего становища, он увидел нагих детей и пожалел их. А потом он приказал хорасанцам из своих воинов проложить дорогу среди наших ущелий и еще вырыть пять колодцев, где и сейчас всегда много воды. Видно, его рука была благословенной! Говорят, он был из простых людей и не обижал никого. Да простит Аллах повелителя правоверных Абу Джафара, нехорошо он поступил с Абу Муслимом, после того как тот привел к власти род Аббаса!*

Бедуин еще что-то бормочет, забыв, что Хасан его слушает, а потом нараспев произносит стихи:

– Что могут люди поделатъ против превратностей судьбы,
Судьба сметает все людские ухищрения!*

Бедуин замолк. Набравшись смелости, Хасан попросил его:

– Расскажи мне еще что-нибудь об Абу Муслиме, шейх!

Бедуин посмотрел на Хасана, как будто только что увидел его, и спросил:

– Сколько тебе лет?

– Семь, – тихо ответил Хасан. Он испугался, что старик больше не захочет с ним разговаривать, раз он такой маленький.

– Ну что же, семь – благословенное число. Слушай, что я запомнил из известий о Абу Муслиме, и пусть воспоминания об этом будут тебе оружием против превратностей времени.

Рассказывают, что, когда Абу Муслим захотел уйти в Хорасан, Абу Джафар, боясь, что он поднимет против него этот край, послал одного из своих людей к Абу Муслиму с обманными словами, приказав передать ему: «Люди из зависти стараются посеять рознь между тобой и повелителем правоверных. Они хотят умаления благоденствия державы. Не начинай же смуту, о, Абу Муслим!» Потом этот человек стал лицемерно усовещать его: «Ты ведь защитник и доверенный рода Мухаммеда, и люди хорошо знают тебя. Не забывай, что награда, уготованная для тебя Аллахом, больше, чем все, чего ты сможешь достигнуть в мирской жизни. Не превращай же награду в возмездие, пусть Сатана не сведет тебя с истинного пути! Ты призвал нас защищать род Аббаса и сражаться с теми, кто враждебен ему, ты созвал нас, и мы пришли к тебе из разных краев и дальних земель, Аллах вселил нам в сердце повиновение роду Пророка и возвеличил нас победой. Неужели ты хочешь, после того как мы достигли вершины наших желаний и надежд, посеять смуту между нами и ослабить нас раздорами?!» Абу Муслим

послушал этого человека и отправился к Абу Джафару, а тот предательски убил его и возмездие за свое злодеяние получит только от Аллаха после Страшного суда!

Голос бедуина становился все громче, он разбудил эхо в долине – словно кто-то повторял его слова. В песках что-то загудело: так звучат большие трубы перед сражением или выходом наместника. Бедуин умолк и повернул голову к востоку.

– Это поют пески! – тревожно сказал он. – Сохрани нас, Боже, от беды! Труба еще гудела, но все тише, поднявшийся знойный ветер крутил песок у ног верблюда, колыхал занавеси. Мать Хасана выглянула наружу и, встретившись взглядом с бедуином, тут же прикрыла лицо. Хасану хотелось спать, и его немного тошнило от валкого шага верблюда, но он все вглядывался в пески.

Вдруг ему показалось, что на ближайшем холме он видит всадника. Хасан протер слезящиеся от яркого света глаза и снова всмотрелся. Так и есть – на холме стоит всадник, вот появился еще один, потом еще, они казались черными среди рыжих песков. Всадники неподвижно стояли на вершине холма, потом вдруг все разом пустились вскачь.

Бедуин тоже увидел всадников и остановился.

– Горе нам, – пробормотал он. – Это проклятые бану кудаа. Недаром, когда мы отправлялись в путь, у меня перед левым плечом пролетел ворон, дурные приметы всегда оправдываются. Но это место называется Суффият, а это значит «Чистая», может быть, Аллах пошлет нам спасение от этих разбойников...

Мать, услышав слова проводника, заголосила, сестры и младший брат заплакали, а Хасану не было страшно. Ему казалось, что все это – интересный сон. Всадники подскочили к верблюду. Тот, кто ехал впереди, был закутан в новый белый плащ, головной платок почти скрывал его лицо.

– Вы кто будете? – спросил он старика.

– О благородный шейх арабов, мы – бедные люди, это – несчастная вдова с детьми, едет в Басру, она уже немолода, и мой верблюд тоже стар, как и его владелец, а ее поклажа – только один вьюк, в котором жалкие тряпки, у них нет ни золота, ни серебра, ни алмазов, ни жемчуга, ни изумрудов...

– Хватит! – прервал его всадник и, отдернув занавеску, заглянул внутрь. Дети, которые замолчали от страха, увидев разбойника, снова заплакали.

В это время Хасан, которому на ум пришли любимые стихи, подняв руки, как это делал сказитель, громко произнес:

– Остановитесь, поплачем у места под названием Суффият,
Здесь нет шатров и жилищ, но есть страдающее сердце!

Предводитель бедуинов, будто его ударили плетью, резко повернулся к Хасану, окинул взглядом мальчика и вдруг захохотал, а его спутники с удивлением смотрели на смешную маленькую фигурку.

– Горе тебе, – сказал предводитель, – что это за стихи? Хасан гордо ответил:

– Я сложил их сам, прямо сейчас, потому что вспомнил стихи «Остановитесь, поплачем...», мы ведь в долине Суффият, и здесь есть страдающее сердце, потому что моя мать и сестры испугались тебя и страдают.

Всадник закрутил головной платок вокруг шнура и, повернувшись к своим спутникам, крикнул им:

– Назад, здесь нет для нас добычи, а этот мальчик слишком красноречив, чтобы пасти скот у ваших палаток!

Бану кудаа повернули коней и скрылись за холмом, их плащи развевались на ветру, от копыт коней тучей летел тонкий песок. Все было так, как в стихах. Вот они и пережили приключение – первое приключение в жизни Хасана.

II

Болота, болота, покрытые камышами, кругом только болота. Камыши качаются, они протянулись по обе стороны узкой дороги, они так высоки, что могут скрыть всадника на верблюде. Они тихо шуршат, когда нет ветра, а когда он подует, шумят, заглушая все звуки. Только шагнешь в сторону от дороги – и камыши покроют тебя с головой, а жидкая грязь, в которой они растут, может поглотить целиком. Вся дорога покрыта сухим камышом, только Аллах знает, сколько слоев сухого камыша лежит на земле, и все равно кажется, что под ногами нет твердой почвы. Из камышей могут вылететь куропатки, выскочить дикий кот, а может появиться и лев, хотя старый верблюд для него – не лакомая пища.

Утром в этой камышовой пустыне они увидели камышовое селение – стены из камыша, крыши из камыша, ограды – тоже из камыша, все сухое и ломкое. Возле самих хижин – протоки, а в них лодки, много лодок. На лодках растянуты сети, торчат палки с развешанными на них связками вяленой рыбы. Возле селения странное поле – оно все покрыто водой, из которой торчат зеленые стебельки каких-то растений. Хасан никогда не видел таких полей.

Он спрашивает проводника, и тот говорит ему, что это рис, тот самый рис, который мать варила им с шафраном, когда они жили в Ахвазе. А на полях работают люди – высокие, с длинными черными бородами, проводник назвал их зуттами*. Они живут тут испокон веку, еще с тех времен, когда здесь водились великаны из племени ад*, они всегда были хозяевами этих мест, а сейчас их оттесняют все дальше в болота, и они недовольны и грозят поднять оружие против власти.

Все это рассказывает Хасану проводник. За время путешествия он привязался к смышленому мальчику; особенно он благодарен Хасану за то, что тот спас его от бану кудаа. «Если бы Аллах не внушил тебе твоих стихов, – часто повторяет он, – эти разбойники обязательно отняли бы у меня верблюда, а вас захватили бы и продали на невольничьем рынке в Басре».

«Когда же Басра?» – пристает Хасан к проводнику.

«Скоро, скоро, с помощью Божьей», – раз за разом слышит он в ответ.

Наконец вдоль дороги начинают встречаться стройные финиковые пальмы. Селения зуттов больше им не попадаются, кое-где видны группы жалких хижин, вокруг которых стоят всадники, вооруженные саблями и луками. Неподалеку множество чернокожих, закованных в длинные цепи, рубят камыш тяжелыми ножами и складывают его в кучи. Другие рабы лопатами перекидывают черную вязкую жижу, копают каналы, укладывают в них камыш.

Старик, не дожидаясь расспросов Хасана, рассказывает, что это африканские рабы – чернокожие зинджи*, их привозят издалека, они все принадлежат халифу и осушают здесь болота, чтобы можно было проложить хорошую дорогу, по которой пройдут и караваны, и войска. Ведь пока что путь в Басру пролегает по воде – или с моря, или по великой реке Шатт аль-Араб. Морским путем привозят сюда и этих рабов, захваченных в плен у побережья далеких стран, где живут чернокожие.

Верблюд сворачивает, и перед Хасаном открывается море. Оно сверкает сильнее, чем солнце, а маленькие черные пятна на нем – лодки, большие и маленькие, великое множество лодок. Вот она какая, Басра! Слева, вдоль берега, шумит разноязыкая пестрая толпа. Белеют плащи арабов-кочевников, снуют носильщики, почти все темнокожие, одетые или в длинную рубаху, или просто в набедренную повязку. Те, что носят ожерелья из раковин, – жители Берега зинджей, а в пестрых тканях – малайцы и индусы. Важно проходят мусульманские купцы – у каждого из них в гавани снаряжен корабль, который повезет в Африку соль и сахарный тростник, вышитые ткани, ковры и другие товары.

Кругом крики, толкотня, погонщик спешит вывести верблюда из шумной гавани и направляется по узкой улочке. Путники подходят к невысокому, но просторному дому, окруженному глиняной стеной.

– Это постоялый двор, – обращаясь к матери Хасана, говорит бедуин. – Вы сможете здесь остановиться, пока ты не подыщешь себе недорогое жилище. Я помогу тебе, твой сын принесет счастье хозяевам.

И вот они в новом доме. Хасан никогда раньше не видел такой лачуги – здесь только одна комната, а дворик так тесен, что едва можно повернуться. Мать, Хасан, его брат и сестры спят рядом на полу, подстелив то, что осталось из тряпья. Но и это хорошо. В Басре трудно найти жилье – уж очень много здесь народу. Хорошо, что им удалось снять дешево эту лачугу, и то потому, что хозяин, выслушав рассказ проводника, поверил в счастливую звезду мальчика. В Басре много воинов, купцов, ремесленников, по этому мастерица хорошо выстирать одежду всегда найдет себе работу. Мать Хасана познакомилась с несколькими женщинами, которые брали в стирку одежду, и они, сжалившись над вдовой, отослали ее к Абу Исхаку, богатому продавцу благовоний.

В тот же день мать отправилась к нему, приказав детям не выходить из дому и ждать ее – ведь в Басре нетрудно и потеряться, а чего доброго, нападёт какой-нибудь злодей и сведет на невольничий рынок, а там продаст. А проданный на невольничьем рынке уже никогда не найдет дорогу домой.

Но Хасан, не послушав мать, потихоньку выскользнул за дверь. Узкая улица, где стоял их дом, шла прямо, но потом вдруг повернула, и впереди открылась широкая площадь. В глазах зарябило от пестроты, казавшейся еще сильнее и ярче после темной и тихой улицы. Перед ним был рынок. Хасан испугался, но, пересилив страх, шагнул вперед. Рынок оглушил его криками зазывал, звоном медных сосудов; у самого края полуголые мальчишки с оглушительными криками совали прохожим переливающиеся перламутром раковины, разную мелочь, разносчики воды продавали воду с лимонным соком из маленьких медных чашечек, которые висели у них на поясе, а потом шли лавки – бедные и богатые, побольше и поменьше.

Это был рынок торговцев тканями. На пороге богато украшенных лавок стояли невольники, а в глубине мерцала разноцветная парча, блестел шелк, шуршали развертываемые ткани. Здесь никто не кричал, покупатели чинно пили шербет, шел неторопливый торг, звенело золото на весах. Одна из лавок отличалась особенно богатым убранством; перед входом прикреплен кусок ткани, такой тонкой, что сквозь нее проглядывала резная дверь. Материя покрыта чудесными узорами, горевшими на солнце, как перья необычной птицы.

Хасан подошел ближе, чтобы полюбоваться невиданной тканью, но когда он стоял, поглощенный пестротой причудливо извивающихся узоров, кто-то схватил его за ворот.

– Ты вор? Почему ты стоишь здесь, у лавки почтенного старейшины купцов? Откуда ты? – посыпались на Хасана вопросы. Он даже не знал, кто его держит. Наконец, извернувшись, увидел одноглазого плосконосого старика, одетого в темный длинный кафтан. «Наверное, купец, – подумал Хасан. – Сейчас отведет меня на невольничий рынок и продаст, и я никогда больше не увижу свой дом!»

Хасан рванулся изо всех сил, и ему удалось освободиться. Он бросился бежать, но от страха весь дрожал, и преследователь догнал бы его, если бы один из мальчишек, которые вертелись на рынке, не подставил старику ногу. Тот упал, и пока, путаясь в полах кафтана и осыпая мальчишку проклятиями, он пытался подняться, мальчишка подхватил Хасана за руку, и они бросились к самой узкой улочке, отходившей от рыночной площади.

Они долго бежали, наконец Хасан, задыхаясь, прошептал:

– Все, я больше не могу!

Мальчик остановился, и они оглядели друг друга. Басриец был выше Хасана на голову, но худощав и жилист, на нем порванная грубая рубаха и сандалии, а на голове повязана тряпка, бывшая когда-то шелковым поясом.

– Откуда ты? – спросил он Хасана.

– Из Ахваза, мы недавно здесь.

– Кто твои родители?

– Мой отец служил стражником наместника Ахваза, он умер, а мать сейчас пошла к Абу Исхаку, взять белье в стирку.

– А, значит, твой отец был «кожаным поясом»? Что же ты бродишь здесь по рынку, у тебя, наверное, дома много добра?

– У отца не было кожаного пояса, он всегда носил полосатый хузистанский кушак, который ему вышила мать, а добро мы все распродали, у нас почти ничего не осталось!

Новый знакомый громко расхохотался, он даже схватился за живот от смеха, а потом повалился на землю и стал кататься в пыли. Потом вскочил и, подойдя к Хасану, спросил:

– Сколько тебе лет?

Хасан обиделся. Неужели даже мальчишки будут спрашивать его об этом?

– Мне уже десять! – выкрикнул он.

– Для десяти лет ты слишком мал ростом и к тому же глуп, тебе от силы шесть, видно, что ты сидел у подола матери.

Этого Хасан не мог стерпеть. Он бросился на обидчика и изо всей силы ударил его головой в живот. От неожиданности мальчик сел в пыль, потом опять рассмеялся и, миролюбиво глядя на малыша, который, сжав кулаки, стоял перед ним, произнес:

– Что же ты бьешь своего двоюродного брата, родича, который спас тебя от порки? Если бы ты попался в руки того плосконого старика, он бы тебя выдрал!

– А зачем ты обидел моего отца? – все еще сжимая кулаки, спросил Хасан.

– Я не оскорблял твоего отца. «Кожаными поясами» мы зовем стражников, они причиняют нам много хлопот, вот мы их и не любим. Но ведь твой отец умер, поэтому тебе нечего обижаться. А добром мы зовем деньги – золотые и серебряные монеты, и медными мы тоже не брезгуем, ведь все добро от Аллаха! А ты, видно, неплохой парень и можешь постоять за себя. Как тебя зовут?

– Меня зовут Хасан, моего отца звали Хани ибн Абд аль-Авваль ибн ас-Сабах аль-Хаками ад-Димашки. А как зовут тебя?

– А меня зовут Исмаил Абу Сарика ибн Лисс аль-Лусус ибн Кати ат-Тарик ибн аль-Мутасаллилль фил-ль-лейль, и я из славного рода «сасанидов».

Хасан снова сжал кулаки. Басриец смеется над ним – ведь таких имен не бывает! То, что сказал мальчишка, значит: «Исмаил, отец воровства, сын вора из воров, сын разбойника, сын крадущегося в ночи», а Сасаниды на самом деле – древние персидские цари. Хасан слышал сказки о мудром и справедливом правителе Ануширване из рода Сасанидов. Не может быть, чтобы этот оборванный бродяга происходил из рода славных царей!

Мальчик снова расхохотался, потом произнес:

– Не сердись, уж очень смешно ты говорил о своем отце. Зачем такие длинные имена? Я просто Исмаил, а ты Хасан.

– А почему ты сказал, что из рода Сасанидов? – обидчиво спросил Хасан.

– Ты не знаешь, кого теперь зовут «сасанидами»? – удивился Исмаил. – «Сасаниды» – это наше братство, нас все боятся, а многие купцы даже платят налог нашему старшине шейху аль-Кудай. Наш шейх поважнее любого из этих купцов, а уж добра у него видимо-невидимо!

– А чем занимается ваше братство? Исмаил улыбнулся:

– У нас есть разные ремесла. Самые старые, у кого почтенный вид, ходят из дома в дом и просят милостыню. Если увидят богатый дом, ставят знак на двери, и тогда наши молодые

мастера ночью проделывают подкоп и забирают все добро, какое там есть. А кто берет сок шелковицы и натирает себе спину, а потом проводит полосы, получается точь-в-точь, как рубцы от плети, люди таким дают щедрую милостыню.

Послушай, герой, пойдем со мной, не пожалеешь!

Они долго шли по кривым и запутанным улицам. Хасан крепко держался за руку Исмаила. Наконец вышли на площадь. Она была не такой широкой, как первая, на нее выходили четыре улицы. Народу здесь толпилось еще больше, чем на рынке торговцев тканями. Всюду установлены загородки с возвышениями посередине. В загородках сгрудились рабы. Больше всего среди них африканцев: чернокожих и курчавых зинджей, бронзовотелых жителей восточных берегов, худошавых и стройных эфиопов. Встречались и белокожие рабы, наверное, румийцы*, захваченные в набегах: их привезли сюда, на знаменитый невольничий рынок Басры, с севера. Отдельно стоял самый ценный товар – молоденькие девушки и девочки: белокурые румийки, увешанные серебряными драгоценностями берберки, длиннокосые жительницы Арманийи, и даже дейлемские* девицы в широких сборчатых юбках.

Богато одетые, важные купцы подходили к невольницам, поднимали покрывало и всматривались в лица, а то и ощупывали их. Больше всего покупателей было у этих помостов. Всеобщий интерес вызывали и захваченные в плен широкоплечие и длинноногие темнокожие богатыри; когда работорговцы поднимали их закованные в тяжелые цепи руки, чтобы показать, что товар без изъяна, мускулы перекатывались у них под кожей.

Мальчики с трудом пробирались сквозь толпу. В это время покупатели и зеваки расступились. На площадь выехали три всадника; за ними четверо чернокожих великанов несли богато украшенные носилки.

Дойдя до одной из загоронок, где стояла небольшая палатка, рабы опустили носилки, и из них, с трудом перекинув ногу через поручни, вывалился высокий человек с огромным животом. На нем был богато вышитый золотом черный кафтан, на голове красовалась большая чалма.

Исмаил притянул Хасана за руку поближе к палатке, и приятели встали, зажатые в толпе зевак.

Неожиданно Исмаил сильно толкнул Хасана в спину, и тот, не удержавшись на ногах, покачнулся и едва не свалился на землю у ног роскошно одетого толстяка.

– Да проклянет тебя Аллах, сын греха! – завопил тот. – Сейчас позову стражу, и она очистит этот рынок от бродяг и оборванцев!

Сопровождавшие его конники тронули поводья и, расталкивая лошадьми людей, которые с опаской освобождали им дорогу, приблизились к хозяину. Но мальчики были уже далеко. Исмаил схватил Хасана за руку, и, пробираясь между ногами, они выскользнули из толпы и очутились на одной из отходящих от площади улиц.

– Почему ты толкнул меня?! – задыхаясь, выкрикнул Хасан. – Я думал, ты, и правда, стал моим другом, а ты меня все время обманываешь!

Исмаил засмеялся и, приподняв свои лохмотья, показал Хасану большой парчовый кошель, расшитый жемчугом.

– Вот это добро так добро! – продолжая смеяться, сказал он. Цепкие пальцы опустились ему на плечо и, скользнув по руке, ухватили кошель. Мальчик дернулся, но потом, повернувшись, спокойно произнес:

– А, это ты, шейх, сегодня у нас хорошая добыча!

– Да благословит Аллах тех, кто совершает добрые дела! – откликнулся тот, кого Исмаил назвал шейхом – учителем. – А кто тут с тобой?

– Это Хасан, он проворен и неглуп, он пригодится нашему братству.

– Если пожелает Аллах, – ответил шейх и, осмотревшись, вполголоса произнес: – Стойте тут, никуда не уходите, вы можете понадобиться.

Хасан внимательно разглядывал шейха. Это был высокий старик в чистом кафтане и большой чалме, похожий на имама или учителя. Наклонившись к Исмаилу, он что-то прошептал ему, а тот молча кивнул. Потом шейх повернулся и растворился в толпе.

– Сейчас начнется потеха! – шепнул Исмаил. – Стой возле меня и не отходи.

– А ты больше не будешь меня толкать? – недоверчиво спросил Хасан.

Тут мимо мальчиков прошел странный человек в белой чалме. Его длинная всклокоченная борода была сильно выкрашена хной и стала красной. Человек этот так торопился, что едва не налетел на Исмаила. Крепко держа Хасана за руку, тот притиснул своего приятеля к стене углового дома.

Через несколько мгновений равномерный гул толпы заглушил чей-то пронзительный визгливый голос:

– О, люди, горе, горе, кто отомстит за смерть святого мученика Хусейна?*

Прошло уже почти сто лет после того, как земля Кербелы увидела преступление, которому не было равных во все времена! Плачьте же, если не можете отомстить за смерть сына Али, да упокоит его Аллах!

– Это вопит краснобородый, который прошел мимо нас, – сказал Исмаил. – А теперь послушай, что будет кричать мой учитель, шейх Бадави!

И, действительно, через некоторое время до Хасана донесся неясный шум, который постепенно усиливался. Он стал прислушиваться, но смог различить только крики: «Осман, Осман!»

– Что они кричат? – спросил Хасан.

– Они славят праведного халифа Османа. Это шейх Бадави собрал вокруг себя его приверженцев, и сейчас начнется драка. Теперь не зевай!

Исмаил снова взял Хасана за руку, и они медленно и осторожно направились к площади. Дойдя до конца улицы, Исмаил выглянул.

– Подойди сюда, – кивнул он своему спутнику. Хасан тоже выглянул и увидел, что площадь будто разделилась на две почти равные части – справа на возвышении стоял краснобородый и визжал, иступленно размахивая руками. Те, кто собрался вокруг него, тоже махали руками и вопили:

«О, Хусейн!» А слева образовалась толпа вокруг шейха Бадави, здесь тоже раздавались крики: ясно, что стычка неизбежна. Правда, многие осторожные люди покидали площадь, палатки работяг пустели, но из окрестных улиц выходили молодцы в кафтанах и длинных рубахах, у некоторых головы повязаны платком, а в руках сверкали длинные ножи.

– Ну, пришли мясники! – крикнул Исмаил. – Теперь драка будет нешуточная!

– А зачем твой учитель и краснобородый устраивают такое? – недоумевающее спросил Хасан.

– Неужели не понимаешь? Когда эти дураки начнут драку, они забудут обо всем на свете, да и наши молодцы поддадут жару. Нам будет легко работать, а если еще и прибьют кого-нибудь так, что он упадет, мы сможем без всякого страха обшарить его карманы, если только проклятые «кожаные пояса» не помешают нам. Ну, пошли! – Исмаил выскользнул на площадь, Хасан за ним, хотя ему было страшно.

Драка была уже в разгаре. Хасан заметил, что теперь на площади совсем другие люди. Почти не осталось почтенных купцов, но много шерстяных кафтанов: видно, ремесленники из окрестных рынков собрались сюда, услышав крики краснобородого. И множество здоровенных парней с ножами и дубинками.

Хасан попятился и хотел убежать, напуганный зрелищем ревущей и беснующейся толпы, но Исмаил подтолкнул его к лежащему на земле человеку.

– Займись этим, – приказал он ему. – А я подберусь поближе, там до быча богаче.

Хасан наклонился над лежащим на земле. Это был немолодой смуглый человек. Чалма слетела на землю и размоталась, чисто выбритая голова была в пыли. Хасан сунул руку за пазуху, где обычно носили кошель на шнурке, но рука его натолкнулась на что-то липкое. Он выдернул руку и увидел, что она в крови. Его стошнило.

Не помня себя от страха и отвращения, мальчик бросился бежать и в это время услышал громкий топот, свист плетей и неистовые вопли. Увидев, что находится возле помоста, он нырнул под толстые бревна, из которых был сколочен помост, и притаился там. Сквозь щель в бревнах он увидел, как по площади скачут крупные, откормленные кони стражников. Стражники размахивали плетями и с размаху опускали их на плечи и головы дерущихся. Кони топтали упавших, но всадники скакали по площади, не разбирая дороги. Драка прекратилась, люди спасались, разбегаясь по окружающим улицам, а стражники преследовали их до тех пор, пока улицы не становились такими узкими, что кони не могли протиснуться дальше.

Наступила тишина. Площадь была усеяна телами, в пыли краснела кровь. Хасан мог выйти, но боялся, что стражники вернутся и заберут его вместе с теми, которых они увели, связав им руки за спиной. Еще он боялся встретить своего нового знакомого. Тот может потребовать у него «добычу», а Хасан не сможет дать ему ничего, и тогда Исмаил вместе со своим учителем побьют его. Больше всего на свете мальчик хотел бы сейчас оказаться у себя, вместе с братом и сестрами. Пусть мать вернется с пустыми руками, только бы попасть домой!

Наконец, устав лежать под помостом, мальчик осторожно выполз наружу. Кругом никого. Купцы сегодня уже не придут на рынок, ведь в драке пострадает их одежда и кошельки, а могут и убить – Хасан слышал, как один из них говорил, что басрийское простонародье опаснее для богачей, чем войска неверных.

На окружающих улицах уже слышался шум, женские вопли. Сейчас сюда прибегут родственники убитых. Оглянувшись, Хасан бросился к одной из улиц. Ему удалось добраться туда прежде, чем на площадь хлынула орда женщин, разыскивавших своих погибших или исхлестанных плетями родичей. Если бы он остался, его растоптала бы обезумевшая толпа.

По той улице, где очутился Хасан, тоже бежали женщины. Какая-то старуха содрала с себя покрывало и стала рвать волосы, другая, увидев, что мальчик был на невольничьем рынке, бросилась к нему и закричала:

– Ты не видел моего сына, Абу-ль-Бака, седельника? Он ушел с утра, и его нигде нет.

Испуганный Хасан прижался к стене:

– Не знаю никакого Абу-ль-Бака, я недавно в Басре!

Но женщина, недослушав, поспешила на площадь, а Хасан снова бросился бежать.

Наконец, обессиленный, он присел на каменную скамью перед большим домом. Мальчик весь вымок, одежда прилипла к телу, его знобило. Он прилег на скамью, нагретую солнцем. За оградой дома росло высокое дерево, тень от него падала на край скамьи. Подвинувшись в прохладное место, Хасан незаметно уснул.

Разбудило его легкое прикосновение. Он вскочил и увидел зинджа огромного роста, который стоял, наклонившись над скамьей, и разглядывал спящего. Увидев, что мальчик проснулся, чернокожий спросил:

– Откуда ты?

У зинджа страшное лицо, исполосованное шрамами, которые перекрещивались на щеках, но глаза незлые. Он выпрямился, и мальчик подумал, что не достанет ему и до пояса – такой он был высокий. Хасан хотел убежать, но подумал, что длинноногий зиндж сразу догонит его. Поэтому он встал со скамьи и сказал:

– Я вышел из дома и заблудился.

– Где же твой дом?

– У рынка тканей.

– Это недалеко отсюда, пойдем, я отведу тебя.

Хасану нравился чернокожий, но на всякий случай он спросил:

– А ты не отведешь меня на невольничий рынок? Зиндж удивленно спросил:

– Зачем, сынок?

– Ты можешь отдать меня работорговцу, а тот продаст меня, как продают пленных девушек, я видел это сегодня!

Чернокожий вздохнул и, покачав головой, сказал:

– Меня самого продали на невольничьем рынке много лет назад, я был не намного старше тебя. Нет, сынок, не бойся, я не обижу тебя, и, пока ты со мной, тебя никто не тронет.

Зиндж взял Хасана за руку и повел. Мальчик едва поспевал за своим провожатым, ему приходилось бежать. Вдруг он увидел знакомую дверь. Оглянувшись на ходу, Хасан крикнул:

– Стой, вот мой дом!

Чернокожий остановился, вернулся к двери и несколько раз постучал. Калитка тотчас открылась, и мать, даже не закрыв лицо, бросилась к сыну:

– Где ты нашел его?

– Он спал на скамье в конце улицы.

– Да благословит тебя Аллах, добрый человек, пусть благоденствие никогда не покидает твоего дома, пусть Бог простит тебе все грехи за это доброе дело!

Зиндж пробормотал: «Мир тебе, почтенная!» – и, повернувшись, пошел прочь, а Хасан смотрел ему вслед – уж очень красив этот великан, когда не видно его обезображенного лица. Мать была так рада, что сын нашелся, что не стала даже ругать его. Она сказала:

– Поешь и отдохай, завтра я отведу тебя к Абу Исхаку, продавцу благовоний. Если ты понравишься ему, он возьмет тебя к себе в лавку.

III

– ... что касается кардамона, то это одно из полезнейших растений, сотворенных Богом для человека. Его запах подобен благовонию душистой травы – рейхана, он также полезен для желудка. Индийские и сирийские врачеватели любят употреблять кардамон для излечения различных болезней. Но самый ходкий наш товар – это цветочная вода, приготовленная из отборных и чистых лепестков роз, жасмина и смеси разных цветов и благовонных трав. Ты должен хорошо знать все эти смеси и различать благовония по запаху и цвету, потому что цена их бывает различной. Чем темнее мускус, тем он дороже, а амбра наоборот – белая амбра лучше, и цена ее в несколько раз выше.

Абу Исхак ласково смотрит на мальчика. Он знает, что Хасану не нужно повторять, он запоминает все с первого слова. Вот уже год Хасан служит у продавца благовоний. Но хотя считается слугой, на самом деле он скорее ученик Абу Исхака, который нанял еще одного мальчика для поручений. Если нужно отнести товар покупателю на дом, пойти с хозяином на рынок за припасами, прибрать негодные горшочки для благовоний – Абу Исхак поручает это второму слуге. Хасану достается более тонкая работа – смешать разные благовония по указанию хозяина, разлить цветочную воду в маленькие стеклянные бутылочки – они приходят из Сирии и стоят недешево, поэтому с ними надо обращаться очень осторожно.

Хозяин дает Хасану золотые и серебряные коробочки, где хранятся драгоценные мази, и тот ловко раскладывает их маленькой стеклянной ложечкой – у мальчика это получается даже лучше, чем у хозяина, ни капли дорогих снадобий не проливается и не пропадает. А мальчику нравится работа.

Лавка просторна и богато обставлена. Абу Исхак – знаток ковров, раньше он ими торговал и на всю жизнь сохранил к ним любовь. Он может, оторвавшись от своих занятий, часами смотреть на свой любимый ковер, сделанный, как он говорит, еще при персидских царях Сасанидах, более двухсот лет назад. Ковер бледно-голубой с желтыми узорами, на нем изображены переплетающиеся цветы и травы, странные птицы со звериными головами, а может быть, это цветы, похожие на птиц. По краям раскиданы бирюзово-синие мелкие цветы. Абу Исхак говорит, что теперь не умеют делать такого цвета, он получается грубее и не так прочен. Подобные ковры умели делать мастера-персы, которые поклонялись пророку Мани*. Теперь их преследуют и, если узнают, что у кого-нибудь в доме хранится изображение этого пророка, изображение сжигают, а еретику рубят голову.

За год, который Хасан провел в лавке Абу Исхака, он многое узнал. Он уже не боялся ходить по Басре и безошибочно разбирался в сложном сплетении улиц и переулков большого города, разбросанного среди каналов и протоков великой реки Шатт аль-Араб. Вечером он часто ходил к берегу, где его мать стирала вместе с другими прачками. Пока женщины, шумно переговариваясь, собирали чистое белье, Хасан сидел у воды, вслушиваясь в плеск волн, набегающих на песчаный берег, усеянный ракушками.

От реки тянуло прохладой; приятно сидеть на влажном песке и дышать воздухом, пропитанным запахом воды, после того, как провел целый день в душной лавке, где так сильно пахло благовониями, что болела голова.

А еще здесь ничто не мешает перебрать в мыслях все, что услышал за день. А слышал он многое. В лавку приходили друзья Абу Исхака: некоторые жили в Басре, многие приезжали из других городов. Они говорили о вещах, которые были непонятны Хасану, но он жадно слушал разговоры, и хозяин не прогонял его. Сегодня пришел маленький сухой старичок. Он был бедно одет, но Абу Исхак бросился навстречу и усадил на почетное место, в самой середине возвышения, которое было устроено у задней стены лавки, на любимом ковре, подложил ему под спину мягкую шелковую подушку. Гости Абу Исхака, которые пришли к нему с утра, –

два писца, служившие в канцелярии наместника, – тоже поднялись, увидев старичка. Потом все уселись, повар-нубиец принес жареного барашка и свежие лепешки, приправы и зелень.

Абу Исхак почтительно прислуживал старику, но тот не стал есть мясо, а отломив кусок лепешки, съел его с зеленью. Когда все поели, старик особенно долго мыл руки и тщательно вытер их о тонкое хлопковое полотенце, поданное хозяином. Потом, вздохнув, гость сказал:

– Нет больше в Басре ни чести, ни знаний после смерти великого Хасана* и Василя ибн Ата*, моих учителей. Ученые не стремятся к постижению истины, они ищут лишь славы и богатства. Поистине, правду говорил Хасан аль-Басри, что из всех изречений пророка Мухаммеда, да упокоит его Аллах, чаще всего приходится повторять: «Если бы у человека были две долины, наполненные сокровищами, то он пожелал бы третью, и ничто не наполнит утробы сынов Адама, кроме праха земли». Судья Басры берет взятки и требует не меньше пятидесяти дирхемов, он осудит невинного и оправдает виноватого, и совесть не мучит его. Невежды осмеливаются оспаривать учение Василя ибн Ата и утверждают, что Коран не был сотворен и сущест вовал вечно. Ведь это явная ересь и, хуже того, неразумие. Если бы они стали рассуждать, то поняли бы, что Коран не мог существовать вечно, рядом с Причиной бытия, которую простонародье называет Аллахом. Тогда получается, что существовали вечно две силы, то есть два божества, а это настоящее язычество!

Более того, имам в мечети, что у Куфийских ворот, утверждает, что даже бумага, на которой написаны все списки Корана, и чернила, которыми он написан, тоже не были сотворены и существовали вечно! Что за вопиющая глупость! Ведь эта бумага сделана год или месяц назад самаркандскими мастерами, и можно даже назвать по имени того, кто ее создал! А посмотрите, сколько жен и наложниц у этого имама! Можно подумать, что он хочет заполнить своим потомством весь мир, чтобы оно расселилось по всем краям, как Яджудж и Маджудж* перед концом света!

Гости Абу Исхака опасливо переглянулись – речи почтенного ученого смахивали на ересь! Чтобы отвлечь его от опасной темы, Абу Исхак сказал:

– Достойнейший учитель, не расскажите ли вы нам о каком-нибудь из речении Хасана аль-Басри, которого мы еще не знаем?

Старик выпрямился и произнес:

– Каждый день я повторяю его изречение, которое советую запомнить и вам: «Нет ничего истиннее того, во что люди не хотят верить, – каждому придется испить смертную чашу».

Хасану не нравился старик, он был слишком важный и скучный, но видно было, что и Абу Исхак, и гости побаиваются его. Старик, оживившись, стал вспоминать другие изречения Хасана Басрийского, превозносить его ученость и благочестие и ругать нынешних улемов и имамов.

«Что хорошего в таких изречениях, они только наводят тоску», – думает Хасан, глядя на воду и перебирая в памяти все, что увидел и услышал тогда. Когда старик ушел, Абу Исхак и его гости стали смеяться над ним, а один сказал:

– Не о нем ли сложил Абу Муаз свои стихи:

«Не могу я видеть этого болтуна, что вечно сидит на рынке тканей,
У него шея длиннее, чем у стоящего или бегущего страуса,

Длиннее, чем у пятнистой жирафы, что у меня общего с ним?
Ведь он только и делает, что обвиняет людей в ереси».

– Нет, – возразил другой. – Это он сказал о его учителе и друге Василе ибн Ата.

– Да, – кивнул Абу Исхак. – Упаси боже попасться ему на язык, ведь его стихи через несколько часов повторяет вся Басра, и если он захочет опозорить кого-нибудь, то громко про-

изнесет свои стихи, сидя на пороге дома, и мальчишки тут же подхватят их, как это было с Сулейманом ибн Али, наместником.

– А знаете ли вы, – подхватил кто-то из гостей, – что случилось недавно с одним из моих знакомых? Он снял верхнюю половину дома, в нижней половине которого живет Абу Муаз. Рано утром мимо этого дома прошел продавец рыбы. Его осел, подойдя к жилищу, громко закричал. Ему откликнулся осел, стоявший во дворе, и тут же заревел осел, которого хозяева держали на крыше вместе со своими овцами. Поднялся страшный шум, овцы испугались, и одна из них столкнула на землю большую глиняную миску, которая разбилась с грохотом, а осел стал барабанить ногами по крыше, так что дом едва не обрушился. Мой знакомый испугался до смерти, выбежал во двор и тут услышал зычный голос: «О мусульмане, наступил Страшный суд, разве вы не слышите, что архангел трубит в трубы и мертвые встают из могил?» Мой друг в гневе прибежал к хозяину дома и стал спрашивать, что за безумный живет под ним. Но тот ответил ему: «Разве ты не знаешь, что здесь живет Абу Муаз Башшар ибн Бурд?*

Хасан представил себе, как режут ослы, блеют овцы и испуганный постоялец мечется по двору, и засмеялся. Гости оглянулись на него, а Абу Исхак сказал:

– Тебе пора домой, сынок, мать, наверное, ждет тебя.

Мальчик вышел из лавки, хотя ему очень хотелось послушать, о чем будут говорить гости Абу Исхака...

«Вот бы когда-нибудь увидеть Абу Муаза и услышать его новые стихи», – думает Хасан. Он мысленно произносит строки, которые знали все в Басре:

«Если ты всегда упрекаешь друга,
То не найдешь никого, кто бы не упрекал тебя.

Живи один или доверяйся своему брату – ведь он
Иногда обидит тебя, а иногда будет сторониться обиды.

Если ты не выпьешь иногда грязную воду,
То будешь всегда испытывать жажду – кто из людей не замутил
своего питья?»

Быстро стемнело. Мать собрала белье, и они направились к дому. Хасан уже не держится за руку матери, он может найти дорогу к дому и в темноте. Но сегодня необычно светло. Вдалеке мальчик различает силуэты всадников, освещенные неровным светом факелов. Всадники останавливаются у крайнего дома, спешиваются, входят внутрь, потом выбегают и, ведя коней за повод, стучат в следующий дом.

– Кого-то ищут, – шепчет мать, – а дети дома одни, как бы стражники не обидели их.

Они бегом бросаются к своему жилищу, но дорогу им преграждают стражники.

– Эй, женщина, ты куда? – кричит хриплый голос. – Покажи свое лицо!

– Что ты, – пугается мать, – это грех, я не могу открыть лицо перед посторонним женщиной.

– Ничего, – хохочет стражник, – Аллах простит тебе этот грех, если ты действительно женщина, а не то тебе не сдобровать!

– Оставь ее, – вмешивается другой стражник, – разве ты не видишь, что это на самом деле женщина? Проходи, женщина, и поторопись, здесь прячется опасный бунтовщик, не поздоровится ни ему, ни тому, кто укрыл его. Беги же!

Хасан пускается бежать рядом с матерью, наконец они добираются до дома; услышав стук, хозяин сразу же открывает дверь.

– Входите скорей, – говорит он, – беспокойно стало в Басре, особенно с тех пор, как повелитель правоверных Абу Джафар разогнал еретиков, которые называли себя «равендийя»*. Они окружили его дворец в Куфе и стали кричать: «Это наш господь, который дает нам жизнь и хлеб насущный!»

Они не хотели плохого Абу Джафару, а пришли в Куфу, как паломники ходят в Мекку. Эти глупцы поверили в то, что, как им говорили проповедники, будто халифы из рода Аббаса равны самому Пророку. А халиф так испугался, когда услышал их крики, что, не разобравшись, что происходит, выбежал из своих покоев в нижней одежде. Он бросился в конюшню, но там не оказалось ни одного оседланного скакуна. Халиф был в ярости и хотел тут же отрубить голову своему конюшему, но тот дал ему свою лошадь. Потом подоспели халифские войска и перебили всех этих ни в чем не повинных глупцов.

С тех пор халиф Абу Джафар стал очень подозрителен. Он возненавидел Куфу и ее жителей и переселился в свою новую столицу – Багдад. А теперь говорят, что в Басре скрывается один из потомков Али ибн Аби Талиба*, да упокоит его Аллах, злейший враг Абу Джафара. Будьте осторожны и не ходите по улицам после того, как стемнеет, не то стражники могут обидеть вас.

Хасан входит в дом. Мать уже хлопчет во дворе, готовит тюрю – похлебку из кислого молока с размоченными в нем лепешками. Хасан сыт, он ел у Абу Исхака лепешки из белой муки и немного меда, и ему не хочется даже смотреть на тюрю, а сестры и брат с жадностью набрасываются на еду.

А Хасан достает из глубокой ниши в стене светильник – глиняную лодочку, в которой вместо весла – железная трубочка со вставленным в нее фитилем. Другой конец фитиля погружен в масло.

Хасан взял огниво и высек огонь. Фитилек загорелся слабым желтым светом, его пламя слегка колыхалось от дыхания мальчика. Потом он снял с полки тоненькую тетрадь, сшитую из легких листов самаркандской бумаги. Эту тетрадь подарил ему Абу Исхак, когда узнал, что его ученик знает много стихов и сам пишет. В начале тетрадки Хасан вывел строки, которые запомнил еще в Ахвазе, и те, что услышал в лавке Абу Исхака.

Больше всего ему нравились стихи Имруулькайса. Как замечательно он описал бурный летний ливень, когда деревья под ветром кажутся похожими на отрубленные головы с развевающимися волосами! А как он сказал о себе: «Я гоню свои смелые рифмы, как доблестный юноша гонит коня!» А несколько дней назад Абу Исхак пригласил к себе сказителя, и тот, довольный обильным угощением и щедрой платой, обещанной хозяином, показал все свое искусство. Лучше всего Хасан запомнил стихи Имруулькайса о схватке орла со степным волком:

«Орел падает на волка с небес, как неотвратимое бедствие,
Он обрушивается ему на спину, как полное ведро,

У которого оборвалась веревка, – и ведро сорвалось в колодезь.
И уже не видно преследователя, бросившегося с воздуха,

Уже не различить преследуемого, бежавшего в долине, —
Они переплелись, как пестрая ткань, и дивно глядеть,
как один упорно нападает, а другой стойко защищается».

Хасан решил записать эти стихи. Взял тростниковое перо – калам, медную чернильницу, открыл тяжелую крышку и погрузил тростник в черную густую жидкость. Учитель в Ахвазе

не очень хвалил почерк Хасана, говорил, что он пишет слишком крупно и размашисто, и у него нет чистоты линий. Но теперь Хасан бережет бумагу и выводит строки так, чтобы больше поместилось на одном листе:

«Я отправился в набег по широкой степи, а понесет меня
Гладкошерстая, поджарая и высокая кобылица...»

Светильник горит слабо: видно, жир кончается. Хасан берет глиняную бутылку, чтобы подлить масла, а мать сразу начинает ворчать:

– Довольно, ложись спать, масла уже мало.

– Сейчас, мама, я еще немного напишу, – откликается Хасан и, положив тетрадь на колени, снова пишет. Теперь он записывает другое стихотворение Имруулькайса, почему-то его строки запоминаются лучше сочинений других поэтов. Это стихи про охоту:

«Я выеду рано утром,
Когда птицы еще спят в гнездах...»

Хасан пишет почти машинально, он хорошо помнит стихи, и они сами ложатся на бумагу. Отложив наконец калам, критически оглядывает написанное. Теперь учитель не смог бы придраться ни к чему – буквы все выписаны ровно, мелко, все алиффы одной длины, даже точки красивые.

Хасану представляется раннее-раннее утро в степи. Кругом темно, как будто на земле лежит неведомый зверь, огромный и черный, а может быть, эта ночь похожа на чернокожего великана, который привел его тогда домой? Его кожа лоснилась и отсвечивала в лучах заходящего солнца, как блестит полоска зари ранним утром. И Хасан шепчет:

– Я выеду, когда ночь еще в своей черной шкуре
Черна, как смоль, и еще не смыла со своих волос краску.

Она закутана в темное покрывало мрака и не показывается
из-под него,
Как чернокожий, что не хочет сбросить с себя светлые одежды.

Я выеду на высоком благородном коне,
Мой конь бежит всегда впереди, он подобен высокой пальме...

Опомнившись, Хасан удивляется – ведь это его собственные стихи. Правда, они похожи на творения Имруулькайса, но это и хорошо – ведь древние были непревзойденными мастерами, и никто еще до сих пор не сравнился с ними. Боясь не удержать в памяти только что сложенные стихи, Хасан повторяет первые строки. Нет, он не забыл их, надо поскорее записать. Но Хасану жаль бумагу. Подумав, он выводит их мелко-мелко на полях, рядом со стихами князя поэтов, потом просматривает, и ему кажется, что они не хуже.

Хасану захотелось прочесть кому-нибудь свои стихи, но кому? Мать спит, да она бы ничего и не поняла – здесь есть такие слова, которые сейчас никто не употребляет, а Хасан узнал их из стихов древних. Брат и сестры еще совсем маленькие, их интересуют только еда и игры. Остается только его хозяин, Абу Исхак, – у него в лавке бывает много поэтов и образованных писцов, он часто ходит на Мирбад – площадь, где собираются поэты и литераторы, чтобы декламировать друг другу новые стихи, узнать новости, состязаться в остроумии и образованности.

Хочется спать. Хасан бережно посыпает еще невысохшие строки своих стихов сухим песком, завинчивает чернильницу и вытирает калам. Он хочет положить тетрадь обратно в нишу, на самую верхнюю полку, и становится на цыпочки, потому что еще не достает до нее. Вдруг с улицы слышится конский топот. Хасан застыл с тетрадью в руках.

Им нечего бояться, они бедные люди, и у них негде укрыться бунтовщику, даже если бы он захотел сделать это. Но, хотя Хасан успокаивает себя, сердце у него бьется, как будто он долго-долго бежал. В памяти всплывают слова, которые он слышал от сказителя, это, кажется, стихи Маджнуна* из племени амир:

«Мое сердце трепещет и бьется, будто птица, пойманная в силки
Неразумным мальчуганом, который не понимает ее страданий».

Хасан тут же одернул себя: может быть, сейчас кого-то схватят и уведут в страшную подземную темницу, а он думает о стихах. Что же делать? Хотя ему очень страшно, мальчик отодвигает засов и осторожно выглядывает на улицу. Кругом густая темнота, тихо, но у дома соседа слышится шорох и глухой стук, будто что-то упало на землю, как куски глины с забора. Хасан изо всех сил вгляделся в темноту. Так и есть, у высокой ограды соседнего дома виден темный силуэт коня, а рядом несколько человек, они что-то делают у забора. Может быть, приятели Исмаила, «сасаниды», хотят сделать подкоп и украсть «добро»? Но нет, сейчас, когда в Басре полно стражников и халифских воинов, «сасаниды» притаились и не тревожат людей. Вот шорох усиливается, люди тащат что-то длинное и поднимают его. А, это лестница, они хотят залезть в дом через ограду! Хасан вспомнил, кто в нем живет. Его хозяин – Надр ибн Исхак, из племени махзум, очень богатый и гордый человек, у него бывает множество гостей, которые приезжают сюда верхом на чистокровных конях.

Хасан притаился у двери, не отрывая глаз от ограды. Вот люди – это, конечно, стражники, поставили лестницу на ограду, пошатала ее, чтобы убедиться, что она стоит крепко, и один за другим поднялись наверх. Потом, стараясь действовать бесшумно, втащили лестницу внутрь – только несколько кусков сухой глины упали на улицу. Стало совсем тихо. На стене Хасан уже никого не видел: видно, они спустились по лестнице во двор. Вдруг тишину расколол крик. Звон сабель, женский визг, что-то тяжело упало, и снова ни звука. Хасан хотел вернуться домой, но ноги у него дрожали, и он замер у двери. Вновь появилась лестница. Теперь стражники, не опасаясь, что их услышат, громко переговариваясь спустились на улицу. Знакомый хриплый голос произнес: «Хорошо придумал наш сотник – ночью они не так берегутся и их легче застать врасплох, проклятых бунтовщиков! Он думал, что ему удастся укрыться здесь, за крепкими заборами!» Другой голос ответил: «Так было семь лет назад, когда и Ахваз, и Басра поднялись против Абу Джафара и стали под знамя сторонников Ибрахима ибн Абдаллаха*. Тогда один бунтовщик хотел спасти свою шкуру и спрятался от нас в дворцовой пекарне в таннуре*. Но мы вытащили его оттуда, и был он весь покрыт золой и сажей, будто уже побывал в Адском пламени, куда мы его и отправили». Хриплый засмеялся и добавил: «Я взял перстень этого проклятого, а сейчас, если дело пойдет так же, мы наберем у них столько пер стней, что наши дети будут богаче самых богатых купцов». Вмешался еще один голос: «Не шумите, здешний народ всегда на стороне бунтовщиков, и если сюда нагрянут мясники, нам придется нелегко». «Что за проклятый трус! – крикнул хриплый. – Он боится этих ублюдков, басрийского простонародья, в жилах которых течет неведомо чья кровь.

Или ты не араб?» Зазвенели клинки, но второй, видно, старший, прикрикнул: «Довольно, клянусь Аллахом, я снесу ваши головы, в которых разума нет и не бывало. Вперед, у нас еще много работы». Стражники вскочили на коней, кони рванули, и через несколько мгновений всадники скрылись за углом.

Хасан все стоял у калитки. Он не слышал, что мать зовет его, слышал лишь причитания, которые доносились из соседнего дома. Как просто убить человека в Басре! Только потому, что у него есть дорогой перстень, который понравился сотнику или кому-нибудь из стражников!

Когда испуганная мать подбежала к нему, он спросил:

– Мама, что случилось семь лет назад в Ахвазе? Она ответила:

– Пойдем, сынок, я закрою дверь, а тогда расскажу, что знаю. По правде говоря, я плохо разбираюсь в таких делах, но мне известно, что люди в наших местах всегда почитали Али ибн Аби Талиба и его святой род, да упокоит Аллах их всех. Вот и помогали потомкам Али, зятя Пророка. Что тогда творилось в Ахвазе и Басре! Людей хватили по подозрению или доносу, казнили, пытали и бросали в темницы невинных, на всех улицах насыпали кучи земли, а на них поставили шесты с воткнутыми головами тех, кого называли бунтовщиками. В Басре тогда, как рассказывали, все оделись в белое – цвет непокорности роду Аббаса. Чтобы напугать народ, халиф послал много тысяч своих воинов-сирийцев, наших исконных врагов, и они бесчинствовали повсюду – врывались в дома, грабили, убивали и похищали девушек. Не дай Бог, чтобы повторились эти времена!

Немного успокоившись, Хасан садится на скамью и опять достает тетрадь. Он перечитывает свои стихи, и теперь они кажутся ему не такими интересными. Хочется написать о том, что он видел только что, о страхе, сковавшем ему ноги, о смерти, которая прошла возле него, но он не находит слов. Употреблять обычные слова в стихах нельзя, они кажутся грубыми и похожи не на высокую поэзию, а на песенки, которые поют мальчишки на улицах Басры. А подходящих выражений он еще не знает, ведь стихосложению он не учился. Так, с тетрадкой в руках, Хасан засыпает.

На следующий день, вбежав в лавку, он, захлебываясь, начинает рассказывать о том, что случилось. Хозяин вздыхает:

– Им мало светлого дня, они хватают людей темной ночью, как волки, да проклянет их Аллах!

– А что сделали эти люди?

Абу Исхак не успевает ответить – в лавку входят сразу несколько посетителей, и он идет к ним. Усаживает на ковры и велит Хасану принести высушенный базилик, настой из красного едкого перца, мускус в деревянных, серебряных коробочках и шелковых мешочках.

Говорят о том, что прошлая ночь была беспокойной. Горбоносый толстяк, наверное, перс, рассказывает, что на многих улицах стражники халифа врывались в дома и уводили людей, которых подозревали в том, что они в сговоре с мятежниками, врагами нынешнего правителя. Абу Исхак благоразумно молчит.

Убирая ненужные коробочки, Хасан неожиданно произносит нараспев – как читают свои стихи бродячие поэты на рынке:

– Дивные дела творятся в Басре,
Дивлюсь я ее жителям —

Днем они ловят сетями рыбу в море,
А ночью их ловят на суше стражники повелителя правоверных.

IV

– Сегодня, сынок, ты отправишься с важным поручением к самому наместнику. Хорошенько вымой руки и смажь их благовонным маслом. Наш новый наместник Хайсам ибн Муавия не любит шутить. Если ему покажется, что у тебя грязные руки, нам не миновать беды, ведь он велел через своего слугу, чтобы ему доставили лучшие благовония, и предупредил, что сам осмотрит их. Нынче благовония вошли в моду, потому что наш халиф Абу Джафар взysкивает с тех, кто небрежно одет, и требует от своих придворных и наместников умащать голову и бороду благовониями, чтобы волосы бороды блестели и были мягкими. Он считает, что, когда простонародье видит наместника, облаченного в дорогую одежду, и чует благоухание его бороды, уважение к власти увеличивается.

Абу Исхак серьезен и мрачен. Хасан никогда еще не видел его таким строгим. Наверное, новый наместник и вправду не любит шутить – веселье не в чести при дворе Абу Джафара. Говорят, что повелитель правоверных приказал жестоко избить и продать одного из своих рабов только потому, что услышал, как тот играет на тамбурине.

– «Жди новых бед от новых правителей», – продолжает Абу Исхак. – Эта пословица еще никогда не обманывала. Правда, и старые не лучше... Спohватившись, хозяин добавляет: – Впрочем, это не наше дело. Нам нужно послать лучшие благовония Хайсаму ибн Муавии, и если он хорошо заплатит и не обманет, нам больше не о чем думать, а от судьбы все равно не уйдешь.

Абу Исхак дает Хасану большую позолоченную шкатулку. В ней самое дорогое благовоние – галия*, сделанное из смеси амбры и разных душистых трав. Крышка шкатулки резная и украшена сердоликом, а в середину вправлена большая жемчужина. Если нажать на нее, крышка откидывается. Хасан залюбовался искусной работой и несколько раз нажал на жемчужину. Благовоние было покрыто вышитым шелком и еще тисненым сафьяном, а сверху лежал засушенный рейхан – ароматная трава. В лавке еще сильнее запахло пряным запахом степи, а Хасану стало грустно. Ему вдруг захотелось снова увидеть бесконечные холмы и высохшие русла протоков, услышать свист сусликов и шуршание песка, стекающего струйками с возвышенностей...

В это время дверь лавки отворилась, и порог переступил человек в непомерно высокой чалме.

– Привет вам, – сказал вошедший, и Хасан узнал его. Это был один из писцов, которые приходили в гости к Абу Исхаку.

– О Боже, – воскликнул Абу Исхак, – что за чалма! Писец, осмотревшись, спросил Абу Исхака:

– У тебя нет здесь никого постороннего?

– Нет, только этот мальчик, но я доверяю ему, говори, не бойся ничего.

Писец неожиданно снял чалму и протянул ее Абу Исхаку. Хасан тоже потянулся посмотреть. Чалма была намотана на высоченную остроконечную шапку из грубого войлока. Внутри ее поддерживало несколько стеблей тростника.

– Что это такое? – спросил Абу Исхак. Писец, взяв шапку с накручен ной на нее чалмой, надел ее с видимым отвращением, а потом вполголоса сказал:

– Мы просили повелителя правоверных увеличить нашу долю,
И избранный Богом имам* увеличил долю наших шапок.

Посмотри на головы людей, они похожи
На винные кувшины, закутанные в бурнус.

Абу Исхак и Хасан засмеялись, а писец сказал:

– Я не знаю, чьи это стихи, но в Басре передают их вот уже несколько дней, с тех пор, как к нам пришел приказ повелителя правоверных носить шапки только высотой не меньше полутора локтей. Мальчишки, увидев меня в такой шапке в первый раз, подумали, что я безумный, и забросали камнями. Теперь они уже привыкли, но я, клянусь Аллахом, никак не могу привыкнуть. Будь проклята эта шапка, и те, кто носит ее, и те, кто приказал носить ее!

– Тише! – испуганно прошептал Абу Исхак. – Лучше носить высокую шапку, чем лишиться того, на что можно ее надеть! – Потом, обратившись к Хасану, приказал: – Иди, сынок, и береги шкатулку, если она пропадет, я не смогу достать другой такой – это половина моего состояния.

Хасан вышел из лавки. Было рано, солнце еще не набрало силу, улицы, политые у дверей домов водой, были почти пусты, а воздух еще не наполнился пылью и конским потом. Пахло только рыбой, и от воды доносился запах водорослей. Дом наместника находился неподалеку от Мирбада, где стояли дворцы басрийской знати. Хасан неторопливо зашагал к площади, крепко зажав шкатулку под мышкой. Постепенно улицы стали заполняться людьми. Шли на рынки мясники, медники, на носилках несли богатых купцов, проезжали на холеных, лоснящихся конях нарядные всадники – сыновья знатных арабов. Мирбад, или, как говорят коренные басрийцы, Мирбадан, – самое оживленное место в Басре.

Только на Мирбаде можно услышать последние новости, стихи Абу Муаза и других прославленных поэтов. Если повезет, можно и увидеть самого Абу Муаза, он часто приходит на Мирбад со своим поводырем, когда ему надоедает сидеть у порога дома или когда он хочет, чтобы его новые стихи сразу же стали известны всей Басре.

Глашатаи начинают обход города всегда с Мирбада. Здесь они собираются – и конные, и пешие; самый голосистый из них возглашает приказ наместника у ворот его дворца, а потом они уже расходятся и разъезжаются по всему городу. Почти каждый день людей ожидает новый приказ, и тем более – в нынешнее время, когда в Басре новый наместник.

Подходя к площади, Хасан услышал крик глашатая. «Ну вот, я опоздал! – подумал Хасан, – он уже прочел приказ наместника». Мальчик пустился бежать, чтобы услышать конец, но в это время глашатай стал читать снова:

«О люди Басры, простые и знатные! Повелитель правоверных приказал всем жителям – и мусульманам, и людям Писания – явиться в течение трех дней к дому казначейства. Здесь люди наместника будут записывать ваши имена и каждому выдадут по пять дирхемов. Повелитель правоверных награждает вас, зная вашу верность державе. Явиться должны все мужчины, начиная от четырнадцати лет, но горе тому, кто попытается получить свою долю дважды».

Толпа зашумела, заглушив последние слова глашатая. Видно было только, как шевелятся его губы. «Да благословит Аллах повелителя правоверных!» – слышал Хасан чей-то визгливый восторженный голос. Множество голосов откликнулось: «Да благословит его Аллах, но за что?» Кто-то выкрикнул: «Даром деньги не дают, берегитесь, люди Басры, как бы вам после вашего ликования не пришлось плакать!» – «Безбожник!» – взвизгнул первый голос. – «Получай деньги и благодари того, кто тебе их дает!» – «Молчи, старый осел, или я заткну тебе глотку этой попоной!»

Толпа шумела, волновалась, а глашатай все читал. Наконец он свернул приказ, тронул поводья и отправился на другие улицы, за ним последовали другие глашатаи, а толпа не расходилась. Потом люди хлынули с площади к казначейству, и Хасан мог идти дальше. Он думал: «За что халиф приказал выдать жителям Басры по пять дирхемов? Ведь, как ему говорили, Басра никогда не была верна державе! Здесь скрывались бунтовщики, здесь то и дело вспыхивали мятежи. Наверное, тот, кто предостерегал басрийцев, был прав». Хасан решил, что после

того как выполнит поручение хозяина, обязательно пойдет к казначейству и посмотрит, правда ли, что всем жителям Басры будут выдавать по пять дирхемов.

Вот и дворец наместника. Это самый высокий и роскошный дом в Басре. Он окружен высокой оградой, а у ворот стоят два стражника. Хасан подошел к ним и, обратившись к тому, кто показался ему важнее, сказал:

– О господин, мой хозяин, Абу Исхак, приказал мне отнести наместнику коробку с благовониями.

Стражник нагнулся и стал рассматривать позолоченную шкатулку, которую Хасан протянул ему, а потом, переглянувшись с товарищем, сказал:

– Ну что же, если приказал, значит, проходи.

Хасан с опаской прошмыгнул в ворота между стражниками и слышал, как они смеялись и говорили что-то нелестное о наместнике.

Когда Хасан хотел войти в дом, высокий безбородый толстяк преградил ему дорогу:

– Что тебе надо, мальчик? – спросил он.

– Я должен передать наместнику коробку с благовониями, – гордо ответил Хасан и показал ее.

– Наместник занят, дай мне коробку, а плату получишь завтра! Хасан отскочил от протянутой руки толстяка и крикнул:

– Ты обманешь меня, как Хузейфа* обманул того, кто ему доверился! Толстяк улыбнулся и сказал:

– Ты, я вижу, умеешь отвечать, у тебя острый язык. Это хорошо, но острая бритва иногда обращается против того, кто ее держит в руках.

Хасан рассердился и решил показать, что он не из тех, над кем можно посмеяться. Зажав крепче коробку с драгоценным благовонием, он, глядя на толстяка, сказал:

– Если тебя бранит толстый глупец, погрязший в невежестве, Отвернись от него и не слушай его слов!

Толстяк нахмурился и сильно толкнул Хасана, так, что он отлетел далеко от дверей, но стражник, который говорил с Хасаном, крикнул:

– Эй, ты, оставь мальчика, пусть он постоит здесь, наместник приказал пропустить его, он хочет, чтобы его борода была черной, как брови у красавицы!

Стражники снова засмеялись, а Хасан опять стал у двери.

Она так и осталась приотворенной, так что Хасан издали видел все, что происходит внутри. За дверью был портик с высокими колоннами, которые окружали внутренний двор, вымощенный гладкими каменными плитами. Прямо напротив Хасана находилось возвышение, покрытое богатыми коврами. На мягких подушках сидел грузный широкоплечий человек в черном кафтане, расшитом золотым шитьем, и в черной чалме. «Как ворон», – подумал Хасан, всмотревшись в смуглое лицо с хрящеватым носом, похожим на клюв. Вокруг человека сидело еще несколько одетых в черное, а по бокам возвышения стояли стражники. Справа стоял саййаф, палач, с обнаженным мечом, без чалмы; его бритая голова блестела от пота, блестела его раскрытая грудь, заросшая густыми волосами. Перед возвышением на коленях стоял человек. Его руки были стянуты короткими цепями за спиной, а размотанное полотнище чалмы было затянуто вокруг шеи.

Хасан прижался к стене, стараясь остаться незамеченным. Какое-то щекочущее чувство, – страх, смешанный с острым любопытством, – держало его на месте. Толстяк, оставив мальчика, проскользнул внутрь, а Хасан прислушался.

Человек в черном кафтане, наверное, наместник, обращаясь к закованному, говорил:

– Повелитель правоверных приказал мне лишить тебя жизни. Клянусь Аллахом, я выполняю его приказ, хотя ты утверждаешь, что не совершал ни какого проступка. Но до

меня дошло, что ты еретик и занимаешься измышлениями, и придумываешь сам предания, на основе которых наши судьи судят мусульман. Поэтому я не буду щадить тебя.

Тут вмешался один из сидевших рядом с наместником:

– Абу-ль-Авджа*, мы знаем, что до сих пор ты славился праведностью. Покайся, и может быть, Аллах пошлет тебе милость.

Человек, стоявший на коленях, молчал, Хасан слышал только его хриплое дыхание, видно, ему сильно стянули горло чалмой. Тогда наместник крикнул:

– Эй, саййаф!

Палач не торопясь подошел к приговоренному, бросил перед ним заскорузлый кожаный коврик и встал рядом, опершись на меч. Тут стоявший на коленях человек заговорил:

– Клянусь Аллахом, вы можете убить меня, но это вам не поможет. Я записал четыре тысячи хадисов, передаваемых со слов Пророка и его сподвижников, и эти хадисы теперь знает каждый. Но на самом деле они придуманы мной, чтобы хотя бы немного ограничить ваши притеснения. Я сделал запретным для вас то, что было дозволенным, и разрешил то, что было запретным. Вы будете поститься в дни разговения, пока не иссохнете, и разговляться в дни поста, пока не лопнете от жира, будьте прокляты вы и ваша алчность!

Наместник сделал знак саййафу, и тот взмахнул тяжелым мечом. Хасан не заметил, как опустился меч, он увидел только струю крови, бившую на ковер. Человек упал, а его голова откатилась в сторону.

– Эй, люди, приведите в порядок двор! – крикнул кто-то.

Вбежали невольники наместника, одетые в грубошерстные кафтаны. Они унесли тело человека, а один из них, положив в мешок голову казненного, бросил этот мешок перед наместником. Другие тем временем взяли пропитанный кровью кожаный коврик, засыпали песком двор, потом подмели его, и плиты заблестели, как прежде.

Наместник, огладив бороду, подозвал к себе толстяка и что-то шепнул ему. Тот утвердительно кивнул головой. Потом посмотрел на приотворенную дверь и, увидев, что Хасан не двинулся с места, поманил его. Мальчик переступил порог и направился к возвышению. Он инстинктивно обогнул то место, где только что убили человека, и подошел к Хайсаму ибн Муавии.

Посмотрев на белолицего, чисто одетого мальчика, наместник улыбнулся и спросил:

– Это тебя прислал торговец благовониями?

– Да, эмир, он приказал передать тебе вот эту шкатулку. В ней находится лучшая галия, какая есть в Басре, а шкатулка изготовлена искусным мастером. Она украшена жемчужиной, отобранной среди многих, и сердоликом.

– Ты красноречив, – одобрительно сказал наместник. – Ты из арабов или новообращенных мавали?*

– Мой отец араб родом из Дамаска.

– Подойди, – милостиво промолвил наместник, – и покажи благовония, которые прислал твой хозяин.

Хасан протянул Хайсаму шкатулку и нажал на жемчужину. Набрав пригоршню драгоценной мази, наместник поднес руку к бороде. Волосы заблестели, борода, казалось, стала еще чернее, а наместник понюхал ладонь и одобрительно промычал:

– Неплохо, получай свою плату.

Достав из-за пояса мешочек с монетами, Хайсам швырнул его к ногам мальчика, потом запустил пальцы в сафьяновый расшитый кошель, достал золотую монету и бросил ее Хасану, сказав:

– Это тебе за твое красноречие и белое лицо. Иди с миром, мальчик, сейчас я занят, а через несколько дней я пошлю за тобой, и мы побеседуем.

Подняв мешочек и зажав в руке монету, Хасан попятился. Толстяк шепнул:

– Невежда, ты не сказал: «Да благословит Аллах эмира». Хасан повторил за ним:

– Да благословит Аллах эмира! – и поспешил выйти. Он был доволен, что выполнил поручение хозяина да к тому же получил в подарок золотой динар. Мальчик привязал мешочек с деньгами к висевшему у него на шее шнурку несколькими узлами. Упаси бог потерять мешочек! Он такой тяже лый, видно, наместник не поспешил. Теперь надо отнести кошелек, и бе гом к казначейству: надо же увидеть такое редкое зрелище. Всякий знает, что сборщики налогов собирают с людей харадж*, но никто еще не видел, чтобы людям ни за что давали пять дирхемов.

Он вышел на улицу. Солнце пекло, кошелек оттягивал шею, и Хасан бегом возвратился к хозяину. Абу Исхак стоял у порога, ожидая его. Заметив Хасана, он облегченно вздохнул и спросил:

– Ну как, видел наместника?

Вместо ответа Хасан протянул хозяину тяжелый кошелек. Абу Исхак взвесил его в руке и удивленно сказал:

– Здесь, наверное, больше, чем я просил. Наместник что-то расщедрился или у него хорошее настроение. Входи, сынок, и отдохни, ты, наверное, устал.

Хасан быстро сказал:

– Позволь мне пойти к дому казначейства, я хочу посмотреть, как жителям Басры будут выдавать по пять дирхемов. Я не устал, просто немного испугался крови.

– Какой крови?! – крикнул Абу Исхак и потянул мальчика за руку в лавку. Потом, закрыв дверь, усадил Хасана на ковер, сел с ним рядом, подав мальчику ломтик дыни, лежавшей на блюде, и, когда тот взял в рот прохладную розовую мякоть, тихо сказал:

– Отдохни, а потом объяснишь, что случилось.

Выслушав сбивчивый рассказ, Абу Исхак задумчиво сказал, погладив бороду:

– Так, так, погиб один из лучших людей нашего времени. Я могу поклясться, что на нем нет никакого греха, кроме праведной жизни и любви к справедливости, это всегда бывает не по вкусу правителям и их прихвостням.

Потом Абу Исхак встал, взяв кошелек, открыл внутреннюю дверь лавки и повернулся к Хасану:

– Не выходи сегодня из дома, на улицах может быть беспокойно. А если хочешь, иди сейчас к себе, я запру лавку, и тебе нечего будет делать. Но лучше тебе не ходить на площадь. Если стражники будут разгонять народ, как бы тебя не затоптали.

– Хорошо, учитель, – согласился Хасан. Выйдя из лавки на раскаленную улицу, он сначала хотел идти домой, но любопытство оказалось сильнее усталости. Он смешался с толпами горожан, которые шли все в одну сторону, к дому казначейства.

Казначейство недалеко – надо свернуть направо и пройти через рынок зеленщиков. Издалека слышался шум, широкая площадь была полна народу. Здесь собрались жители всех кварталов – и арабы, и персы, и даже язычники, индусы и малайцы, – проталкивались в толпе, хотя их осыпали проклятиями со всех сторон.

Дюжие носильщики и мясники, высушенные солнцем рыбаки перекликались: «Повелитель правоверных скоро объявит поход против язычников в Хинд*, поэтому всем добровольцам кроме добычи будут платить по пятьдесят дирхемов». – «Не пятьдесят, а пять, безмозглый болтун, и не добровольцам, а всем жителям Басры». – «Откуда казначейство возьмет столько денег, чтобы раздать всем жителям Басры даже по пять дирхемов?» – «Не бойся, это все деньги мусульман, они взяты у тебя и других, казна может и поделиться с нами тем, что взяла у нас самих!» – «У тебя с самого рождения не было даже одного дирхема, сын распутницы, не с тобой ли я буду делиться своим добром?» – «Это твоя мать была распутницей, а отца и вовсе не было, ты родился от осла и грязен, как водоем, где купаются ослы!»

Кругом раздавались крики, смех, кое-где люди уже дрались, особенно доставалось щуплым индийцам. Но Хасан протискивался вперед к дому. Наконец ему удалось пробиться к ограде. У ворот не было стражников, которые там обычно стояли, зато у дверей дома расположился целый отряд конников в полном вооружении – в шлемах, кольчугах, с копьями и саблями. Неожиданно дверь открылась, и из нее вылетел человек в грязном кафтане. За ним высунулся писец в черной чалме.

– Эй, стражники, – крикнул он, – дайте-ка этому пять плетей, он хо тел дважды получить свою долю!

Стражники схватили человека и с хохотом отстегали его вполсилы. Человек визжал, а толпа кругом гоготала: «Пять плетей вместо пяти дирхемов – хорошая плата!» – «Удвоенная милость повелителя правоверных!»

Писец изо всех сил крикнул в толпу:

– Не теснитесь, каждый из жителей Басры получит свои пять дирхемов, если будет правильно говорить свой квартал и свое имя. И не пытайтесь обмануть нас, здесь у нас старосты кварталов, они знают всех, поэтому каждый сможет получить свои пять монет только один раз!

Толпа зашумела, а Хасан, решив, что больше ему здесь нечего делать, стал пробиваться локтями к выходу. Наконец, обливаясь потом, он выбрался из толпы на соседнюю улицу и только тогда увидел, что его кафтан порван, а рукав висит на одной ниточке.

Пробежав два квартала, Хасан очутился у ворот своего дома. Матери не было, и мальчик, сняв кафтан, почистил его, зашил прорехи, пришил рукав и улегся спать. Он проспал до поздней ночи. Его не разбудили ни крики сестер, ни ворчание матери.

Когда Хасан открыл глаза, было совсем тихо и темно, даже светильник погас. В доме пахло бедностью – грязным бельем, которое мать брала в стирку, прогорклым маслом, кислым молоком, дымом. Этот запах особенно ощущался ночью, днем солнце выжигало все, кроме стойкой вони, доносившейся от бойни и рынка мясников. Хасан вспомнил дворец наместника, блестящие плиты пола, пушистые ковры и золотую вышивку на черной атласной одежде. Но пахло у него кровью, как на бойне. Хасан представил себе, как она тогда хлынула, как разлилась по белому полу. «Будто вино из дырявого бурдюка», – прошептал он стихи древнего поэта.

Хасан хотел снова уснуть, но не мог. Небо светлело. Наконец послышались крики муэдзинов: «Аллах велик, нет бога, кроме Аллаха! Вставайте на молитву!» В этот ранний час набожные мусульмане должны начать первую из пяти молитв, которые полагается совершать за день. Хасан тихонько встал, надел кафтан, круглую шапочку, сандалии – подарок Абу Исхака – и тихо, стараясь никого не разбудить, вышел за дверь. Дома ему не хотелось оставаться, идти в лавку было еще рано.

Он побрел к улице Курайшитов. Это красивая улица, но почему-то считают, что она приносит несчастье. Ни один наместник не проедет по ней из страха, что его сместят и посадят в тюрьму. Поэтому здесь много пустующих зданий, и в них нередко находят приют и гуляки, устраивающие тайные попойки, и разные мошенники. Вот и теперь из одного дома на улице Курайшитов крадучись вышли двое и нетвердой походкой пошли к Мирбаду. Если их схватит стража, им придется плохо.

Хасан подошел к гулякам и сказал:

– Вы идете прямо к дворцу наместника, а уже наступило время утреннего обхода! Сейчас все мусульмане должны молиться, а не бродить по улицам! Вы похожи на мышь, которая лезет по своей воле в когти кота!

Один из гуляк нахмурился и, обратившись к своему спутнику, сказал:

– Клянусь Аллахом, только в Басре мальчишки позволяют себе такго ворить со взрослыми людьми! Видел ли ты, Валиба, когда-нибудь такую дерзость?

Но тот, к кому он обращался, улыбнувшись, ответил:

– Мальчик прав, нам лучше зайти в этот дом, здесь живет Яхья ибн Масуд. Мы выпьем еще и послушаем Ясмин, она разучила новую песню на мои слова.

Потом он сказал Хасану:

– А ты куда идешь, мальчик? Как тебя зовут?

– Меня зовут Хасан, я ученик Абу Исхака, продавца благовоний, но его лавка еще закрыта, и я просто так хожу по городу.

– Тогда пойдем с нами, ты будешь нашим виночерпием.

– Зачем? – спросил первый гуляка. – Мальчишка донесет на нас!

– Нет, – возразил тот, кого называли Валиба, – он не похож на доносчика. Пойдем, мальчик, мыши укроются в норе и возьмут с собой мышонка. Ты попробуешь такую еду и сладости, каких нет у самого повелителя правоверных.

Взяв Хасана за руку, Валиба подошел к воротам и постучал. Створки сначала приотворились, а потом распахнулись, и старый чернокожий евнух, кланяясь, встретил гостей:

– Добро пожаловать, господин, да благословит Аллах твой приход!

– Где твой хозяин? – спросил Валиба.

– Он на утренней молитве, – улыбнулся евнух.

– Скажи лучше на утренней попойке, – возразил Валиба.

– Пожалуйте, – сказал евнух и повел их через широкий двор, в центре которого красовался водоем, окруженный цветником.

Хасан никогда еще не видел таких роз. Здесь были все оттенки – от светло-желтого до пурпурного, а среди розовых кустов росла пушистая ароматная трава – рейхан. Розы пахли сильно, но не назойливо, как благовония в лавке Абу Исхака, а нежно. Под утренним прохладным ветерком шелестели листья высоких пальм, окружавших дом. Да, по правде сказать, это был не дом, а дворец, больше и красивее, чем дворец наместника. Хасану не верилось, что он только что шел по пыльной улице, казалось, чудо перенесло его в другую страну.

Они подошли к широкому мраморному портику и, пройдя его, очутились в беседке. Виноград, цепляясь усиками за высокие резные деревянные столбики, поднимался вверх, заплетая беседку, и розовый утренний свет падал зелеными бликами на мозаичный пол. С возвышения, покрытого белым ковром, поднялся невысокий чернородый юноша и, подойдя к гостям, обнял Валибу и его спутника.

– Добро пожаловать, вы оказали мне честь, садитесь и будем веселиться. Я вижу, что вы даже привели с собой виночерпия?

– Да, этот мышонок вырвал нас из когтей кота, и я решил, что его приход будет благословенным для нашей пирушки.

Гости уселись рядом с хозяином, он хлопнул в ладоши, и в беседку вошел тот же евнух:

– Прикажи Ясмин и музыкантам прийти сюда, и пусть нам принесут вина и закуски, – приказал Яхья.

– Слушаю и повинуюсь, – ответил евнух.

Хасан удивленно оглядывался. Он никогда не видел ничего похожего и не думал, что такое может быть на свете. Слуги принесли большие серебряные кувшины и серебряные чаши. Когда чаши поставили перед гостями, Хасан увидел, что они покрыты резьбой, а внутри – выпуклые изображения конных лучников. Серебро искрилось и сверкало; казалось, всадники сейчас оживут и выпустят стрелы из туго натянутых луков в газель, изображенную на дне.

Мальчик протянул руку и коснулся изображения газели. Серебро тихо зазвенело, будто запела тетива лука, а Валиба сказал:

– Это изделие древних мастеров Ирана, этим чашам больше ста лет. Теперь наши чеканщики только подражают их искусству, никто больше не способен создать подобное.

– Почему же, – возразил хозяин, – мой ювелир, мастер аль-Хазраджи, сделал мне серебряный кувшин, не уступающий этой чаше. Посмотри, это вон тот кувшин с вином.

– Да, клянусь Аллахом, он ничуть не хуже! Пусть не отсохнут руки мастера аль-Хазраджи! Он достоин того, чтобы воспеть его искусство! Эй, виночерпий, подай мне лютню, она лежит возле занавеси!

Хасан не сразу понял, что Валиба обращается к нему, но потом, оглянувшись, увидел за спиной парчовую белую занавесь, которая отделяла часть беседки. Там лежала украшенная перламутром и слоновой костью лютня. Хасан протянул ее Валибе, и тот, подкрутив колки, запел хрипловатым, но верным голосом:

– Велик Аллах, сотворивший дочь лозы – молодое вино,
Велик аль-Хазраджи, сотворивший одежду для нее из чистого
блестящего
серебра.

– Ты хорошо спел, господин мой, – раздался вдруг из-за занавеси женский голос. – А теперь разреши спеть мне твою новую песню, которую я положила на музыку.

Валиба вскочил и, подойдя к занавеси, поклонился и сказал:

– Привет тебе, Ясмин, ты пришла к нам вместе с солнцем. Если твой господин позволит, то мы хотели бы сначала услышать старую песню, которая начинается «Ушла Суад, и мы расстались навсегда».

Яхья ибн Масуд кивнул головой, а Валиба немного откинул занавесь и подал лютню. Хасан увидел, как из-за занавеси показалась смуглая тонкая рука, украшенная браслетами и кольцами. Сверкнул огромный красный камень, надетый на указательный палец, потом из-за занавеси раздалось удары бубна и зазвенели струны лютни.

Валиба крикнул Хасану:

– Эй, виночерпий, смешай вино с водой и пусти по кругу чашу!

Хасан не знал, за что взяться, евнух подал ему два серебряных кувшина, один с вином, другой с водой, и показал, как наливают вино в чашу до половины, а потом доливают воду. Мальчик налил красного вина в чашу, и она засветилась огненным светом, а когда он налил воду, поверхность вина покрылась тысячью пузырьков.

По знаку Валибы Хасан встал и подал чашу Яхье. Тот отпил и передал чашу. В это время Ясмин запела: «Ушла Суад...»

Ее голос переливался и искрился, как пузырьки воздуха в чаше, а бубен и лютня звенели, как серебро. Когда Ясмин кончила свою песню, Яхья снял с пальца блестящее кольцо и бросил к ногам певицы. Потом сказал:

– Выйди к нам, Ясмин, здесь только наш друг, прославленный поэт Валиба, и известный тебе Халид ибн Али, ты уже показывалась им.

Занавесь поднялась, и Хасан увидел девушку, одетую в такую блестящую одежду, что он сначала не заметил ее лица. Она опустилась на ковер рядом с хозяином дома, потом поднялась и присела возле Хасана.

– Что это за мальчик? – спросила она, взяв его за подбородок. Он поднял голову и увидел большие черные глаза, подведенные сурьмой, темные брови и ямочки на смуглых щеках. Потом, отпустив мальчика, она набрала полную горсть жареного в меду миндаля и протянула лакомство Хасану:

– Ешь, тебе еще рано пить вино и слушать песни про любовь и разлуку. Отдохни, я сама буду подавать вино.

Хасан принялся грызть миндаль, а Валиба, залпом выпив протянутую хозяином чашу, крикнул:

– Оставь мальчика, лучше спой нам что-нибудь новое! Ясмин взяла лютню и, сильно ударив по струнам, начала:

– Я буду обходить семь раз вокруг дома моей любимой,
А не вокруг Каабы,
Ведь паломники, обходящие Каабу, похожи на ослов, крутящих
жернов...

Ее хозяин, Яхья, вскочил на ноги:

– Что это за песня? Где ты ее слышала? Клянусь Аллахом, она может стоить мне головы! Я знаю немало людей, которых казнили за меньшее! Если еще раз споешь что-нибудь подобное, я убью тебя или велю продать на невольничьем рынке, хоть ты и стоила мне десять тысяч дирхемов!

– Не волнуйся, здесь нет чужих людей, – успокоил его Валиба. – Мы хорошо знаем друг друга, а мальчик ничего не понял, да к тому же он сейчас дремлет.

Все посмотрели на мальчика. Хасан наклонился и закрыл глаза. Но он не спал. Хотя у него кружилась голова от музыки и стихов, он понял, о чем шла речь в песне. «Они решат, что я на них донесу, и убьют», – испугался он, как только услышал первую строку, и быстро зажмурился. Пусть лучше думают, что он спит. Абу Исхак не раз говорил ему: «В этой жизни не обойдешься без хитрости. “Кто прост, того унижают, а кто всем верит, того обижают”. Это всем известная пословица. Не будь слишком прост, не то пропадешь».

Успокоившись, Яхья приказал Ясмин петь из-за занавеси, и она, покорно поднявшись, ушла и исполняла песни, только которые ей называли. Хасану стало скучно, и он несколько раз приподнимался, чтобы незаметно для хозяина уйти. Но мальчик боялся, что слуги Яхьи, которые не видели, как он входил вместе с остальными, подумают, что он вор, и побьют, а то и отдадут стражникам.

Но тут Валиба поднялся и произнес:

– А теперь послушайте новые стихи, которые я написал только вчера.

Он стал декламировать. Уставший Хасан не запомнил их, но они поразили его своей легкостью. Стихи звучали совсем не так, как чеканные строки Имруулькайса и других древних, в них речь шла о вине, веселых собутыльниках, они были написаны простыми словами, которые употреблялись в обыденной речи.

Забыв обо всем, Хасан широко открыл глаза и не отрывал взгляда от поэта. Наконец тот заметил, как внимательно слушает его мальчик, и, прервав чтение, неожиданно спросил его:

– А тебе нравится?

– Да, – не задумываясь ответил Хасан. – Это не такие стихи, которые я слышал от сказителей, но они тоже очень хорошие и, главное, простые.

– Что значит простые? – недоуменно спросил Валиба. Хасан поспешно объяснил, решив, что поэт обиделся:

– Это значит, что их можно понять. Здесь говорится не о старых палатках и истлевших остатках кочевья, а о том, что мы видим в жизни.

Валиба удивленно окинул взглядом мальчика, будто впервые увидел его:

– Вот ты, оказывается, какой! Может быть, ты тоже сочиняешь стихи? У Хасана от волнения горели щеки. Ведь он в первый раз в жизни говорит с настоящим поэтом!

– Я написал стихотворение про охоту, – пробормотал он, уже раскаиваясь в своей откровенности.

– Скажи его нам, – потребовал Валиба и уселся на ковер. – Встань вот здесь. Начинай.

Хасан с сильно бьющимся сердцем стал перед хозяином дома и нараспев произнес:

– Я выеду, когда ночь еще в своей черной шкуре...

Когда он закончил читать и умолк, приятель Валибы сказал:

– Мальчик позаимствовал свои стихи у древних, но облек их в прекрасную новую форму, если это действительно его стихи.

Валиба молчал. Потом вдруг спросил Хасана:

– Если я начну стихи словами: «мы рыцари вина...», как ты продолжишь их?

Хасан, не задумываясь, выпалил:

– Мы рыцари вина и сраженные им.

– А с чем ты сравнишь вино и воду?

– Вино, если оно красное, можно, по-моему, сравнить с огнем, яхонтом, солнцем, а если оно желтое, то с глазами петуха – они желтые и прозрачные. А воду можно сравнить с жемчугом, потому что я видел: когда ваш слуга смешивал вино, пузырьки воздуха поднимались к краям и были похожи на жемчуг.

– Ты учился где-нибудь?

– В куттабе, когда мы жили еще в Ахвазе. Валиба вздохнул и, потянув мальчика к себе, сказал:

– Я живу на Восточной улице, рядом с рынком зеленщиков. Мой дом второй справа, если пойдешь от рынка. Когда кончишь работу в лавке, приходи ко мне после вечерней молитвы, я буду заниматься с тобой, как занимаюсь с другими учениками. Но с тебя я не буду брать плату. Каждый день вечером я читаю им стихи и учу их.

– Когда трезв, – вставил Яхья со смехом.

– Когда трезв, – серьезно повторил Валиба. Потом, обратившись к Яхье, сказал:

– Сейчас позволь нам уйти. Мы выпили совсем немного и отдохнули у тебя, так что доберемся до дома.

– Я велю подать вам оседланных мулов, мои слуги проводят вас, – предложил хозяин.

– Что ж, – согласился Валиба, – так и сделай!

Потом он хлопнул в ладоши и, когда евнух просунул в беседку свое лоснящееся лицо, сказал ему:

– Думаю, твой господин не будет в обиде, если я попрошу отсыпать этому молодцу в узелок побольше сладостей.

Евнух поклонился, взял Хасана за руку и повел за собой. Он завел его в большую комнату, которая, видно, была рядом с кладовой, – в комнате вкусно пахло сушеными плодами, – вышел и скоро вернулся, держа в руке довольно большой узелок.

– Возьми, сынок, тут много вкусных вещей, иди с миром.

Хасану хотелось посмотреть, что в узелке, но он спешил к хозяину – ему не терпелось поделиться с ним радостью, ведь только Абу Исхак мог оценить удачу, выпавшую на долю своего ученика.

Войдя в лавку, Хасан увидел, что старик, как всегда, сидит на своем любимом ковре, полузакрыв глаза. Мальчик ожидал, что его будут спрашивать, почему он задержался, но Абу Исхак, услышав скрип двери, повернул голову и произнес только:

– На улицах спокойно?

– Да, – удивленно сказал Хасан. – Все как обычно, я не заметил ничего особенного.

– Ну, дай-то Бог, – вздохнул Абу Исхак и, тяжело поднявшись, подошел к мальчику.

– Что это у тебя? – спросил он, увидев узел.

Наконец-то Хасан мог рассказать о том, что с ним случилось! Но хозяин не выказал особой радости. Он пожал плечами и сказал:

– Я бы желал для тебя другого учителя. Валиба хороший поэт, но гуляка и безбожник. Ему не раз грозило заточение, но его защищают могущественные покровители, среди которых

– сам сын халифа, аль-Махди*. Однако милость сильных переменчива. Смотри, сынок, учись у него ремеслу стихосложения, если уж он позвал тебя, но не перенимай ничего дурного. Я буду отпускать тебя пораньше, чтобы ты не очень устал. А теперь иди, разложи благовония, у меня сегодня много заказов.

Хасан сунул свой узелок в уголок и принялся за работу. Он не заметил, как прошел день. В лавку приходили покупатели, Абу Исхак разговаривал с ними, говорил Хасану, что надо сделать, и тот машинально выполнял приказы хозяина.

Наконец Абу Исхак закрыл лавку и отпустил ученика домой. Войдя во двор, Хасан сразу же положил узел на землю и развязал его. Одновременно он рассказывал матери, сестрам и брату, откуда у него этот подарок. Сестры завизжали от восторга и стали выхватывать друг у друга виноград, жареный миндаль, сладкие мучные шарики. Мать надавала им затрещин и поделила все поровну. Хасан насыпал свою долю в шапочку и сел во дворе. Он ел сладости и мечтал, как завтра вечером пойдет к веселому поэту и будет учиться у него стихам.

Он сам не заметил, как уснул.

Разбудили его лучи утреннего солнца, которые падали на лицо. Хасан вскочил, прополоснув лицо теплой водой из бадьи, наскоро помолился – мать его не очень набожная, да ей и некогда следить за тем, чтобы сын неукоснительно выполнял все предписания ислама, и, высыпав оставшиеся сладости в пояс, надел шапочку, скрутил пояс и повязал его поверх кафтана.

Но что-то беспокоило его, что-то было не так, как всегда. Хасан прислушался – тихо. Тогда он вышел на улицу и, как часто делал утром, отправился к Мирбаду. Но, подойдя к перекрестку, остановился. Дальше идти некуда: поперек улицы протянуты толстые железные цепи, укрепленные в кольцах, вделанных в угловые дома. За туго натянутыми цепями стоят стражники. Их было очень много – Хасан никогда не видел столько воинов. Казалось, что улица заросла камышом – так тесно сдвинуты копья.

– Сюда нельзя, – сказал ему один из них, когда Хасан хотел проскользнуть под цепью. Тогда мальчик повернул и пошел другим путем. Он влез по низкому забору на верх крайнего дома и, прыгая с крыши на крышу, добрался почти до самой площади. Тут тоже стояло не очень высокое здание, с него можно без труда спрыгнуть на землю. Но и у этого края улицы протянуты цепи и стоят стражники. Теперь нельзя было пройти ни в лавку, ни на площадь.

Хасан решил остаться на крыше. Он сел, развязал пояс и стал доедать миндаль.

– Не хочешь ли поделиться? – вдруг услышал он знакомый голос. Оглянувшись, Хасан увидел Исмаила, который незаметно подошел к нему и теперь сидел за спиной.

– Исмаил! – радостно крикнул Хасан. – Я искал тебя, но нигде не мог найти! Что с тобой? – вдруг испуганно спросил он, увидев, что приятель вдруг закатил глаза и оскалил зубы, как будто подавляя крик.

– Болит рука! – с трудом ответил Исмаил.

Потом он вынул левую руку, которую держал за пазухой, и показал Хасану. Тот чуть не закричал – у Исмаила не было кисти. Рука до локтя распухла, а ниже что-то чернело.

– Тебе отрубили руку? – шепотом спросил Хасан.

– Проклятый дьявол! – процедил сквозь зубы Исмаил. – Это наш новый наместник приказал рубить руки всем без разбору. Хорошо еще, что палач пожалел меня и отрубил не правую, а левую. Ничего, они еще узнают Исмаила Однорукого!

Хасан молча протянул ему пояс, и Исмаил жадно съел все, что там было, а потом спросил:

– Что ты здесь делаешь?

– Я хотел пройти на площадь, но улицы перегорожены цепями и стражниками, никого не пропускают. Не знаешь, что случилось?

– Нет, – покачал головой Исмаил. – Посмотрим, отсюда все видно, а здесь они нас не тронут, только бы хозяева дома не прогнали.

Пока мальчики разговаривали, на улицу с площади выехали новые стражники. Среди них был глашатай.

– Послушаем, что он будет читать, – толкнул Хасан в бок Исмаила.

Глашатай остановил коня, затрубил в длинную трубу. Гнусавый звук далеко разнесся по улицам, где уже показались люди. Потом он достал свиток, развернул и стал читать:

«Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного, кроме Которого нет никакого бога, Вечного и Славного, посылающего милость правоверным и губящего неверных! О жители Басры! Повелитель правоверных, зная вашу приверженность вере ислама, наградил вас и осыпал своими благодеяниями. Знайте, что враги Аллаха и враги мусульман сеют смуту среди правоверных и обнажают меч во имя неправого дела. Для того чтобы разрушить их козни и затруднить их дело, мы повелели обнести город Басру стеной высотой в шесть локтей и окружить ее рвом, наполненным водой, дабы наши враги и враги всех мусульман не могли проникнуть в город. Повелеваем каждому из жителей города – а мы теперь точно узнали их число, подсчитав все записи, – внести в казну по сорок дирхемов. Кто же уклонится от этого и выкажет строптивость и неповиновение, будет наказан повелителем правоверных сообразно проступку по справедливости. Внеся по сорок дирхемов, жители Басры должны будут выйти для работы по постройке стен и рва. Уклонившиеся от этого и отговаривающиеся немощью или болезнью будут наказаны по справедливости. Мир и благословение Аллаха тому, кто покорен, а непокорному – воздаяние Аллаха и его наместника на земле».

Исмаил тихо свистнул:

– Вот это дела! Сначала всем выдавали по пять дирхемов и записывали имена, чтобы узнать, сколько народу в городе, а потом берут по сорок дирхемов с каждого! А еще называют нас ворами и разбойниками!

Хасан никак не мог понять:

– Но ведь с нас уже брали налог, как же можно брать его дважды, это не по закону!

Исмаил грубо оборвал его:

– Я вижу, ты все еще глуп и нисколько не поумнел! О каком законе ты болтаешь? Для бедняков нет никакого закона. Работай и плати, чтобы другие отдыхали и получали, – вот и весь закон! Пойду к шейху, он скажет, что делать, теперь будет здоровая драка, и это нам на руку, может быть, удастся освободить наших из подземной тюрьмы в суматохе.

– Я пойду с тобой!

– Нет, – отрезал Исмаил. – Сегодня будет не то, что тогда. Оставайся здесь, не тебе соваться в драку!

Бросив Хасану его пояс, Исмаил спрыгнул на улицу и, увернувшись от охраны, скрылся в одном из узких переулков. Хасан ждал, что люди будут шуметь, переругиваться со стражниками, но кругом было по-прежнему тихо. Посмотрев на улицу, Хасан увидел, что воины медленно движутся вслед за глашатаем.

Вдруг на площадь влетел на взмыленном коне один из стражников. Осадив коня перед начальником, он что-то крикнул, указывая рукой назад. Конь был испуган – дергал головой, переступал с ноги на ногу, плясал на месте, видно было, что всадник с трудом удерживает его. Начальник обернулся к стражникам. Те, что стояли у цепей, держа коней в поводу, вскочили в седло, и все быстро поскакали туда, куда указывал прибывший.

V

Наконец-то в Басре спокойно. С перекрестков сняли цепи, стражников стало меньше, с барабанным боем ушли отряды сирийских конников. Но на улицах все еще пустынно, особенно днем, когда почти все взрослые мужчины заняты на строительстве стен. Вечером они возвращаются домой голодные и злые, с ног до головы в глине, неся на плечах заступы. Народ обозлился, повсюду ругань и драки. Стало больше нищих, по городу бродят оборванные дети, родители которых погибли во время смуты. Но постепенно жизнь входит в свою колею.

Хасан все еще дома, ходить ему трудно – кружится голова, поэтому он целыми днями лежит и старается не думать о том, что было в эти дни. Но забыть трудно. Вот он, спасаясь от горячего солнца, спрыгивает с крыши и бежит по улице – туда, куда поскакали стражники. Улица вливается в другую, более широкую. По ней идет множество горожан. Они не перекликаются, как обычно, не отпускают острых шуточек, которыми славятся жители Басры. Изредка Хасан слышит приглушенное проклятие. Почти у всех в руках колья и камни, а у некоторых даже настоящее оружие – копьё и сабли.

Хасана затирают, он старается выбраться из толпы, но людской поток неудержимо несет его дальше. Ясно, что толпа направляется к городской тюрьме – она недалеко от дворца наместника. Вдруг движение замедляется. Хасан не видит, что происходит впереди, он слышит только отдельные выкрики, сливающиеся в глухой рев – будто шумит бурное море. Внезапный толчок – сзади напирают все новые и новые толпы, и вот люди побежали. Теперь они кричат.

Хасан видит вокруг себя бешеные глаза и зубы, сверкающие на смуглых лицах. Он натывается на обрывок цепи, вделанной в стену и, ухватившись за нее, останавливается, а толпа бежит дальше. Издали видно, как постепенно исчезают возвышающиеся над толпой головы конных стражников в блестящих стальных шлемах, они будто тают. Наверное, их стаскивают с коней за ноги и бьют дубинками и камнями. И тут он замечает Исмаила – левая рука у него по-прежнему за пазухой, в правой он зажал обломок копья. А рядом с ним – здоровенные молодцы-«сасаниды». У некоторых кафтаны спадают прямыми складками, – видно, под кафтаном надета кольчуга.

Хасан бросается к Исмаилу, и они молча бегут рядом. Стражников больше не видно. Прямо на мальчиков несется высокий рыжий конь, у него на поводу повис босоногий крепыш в коротком кафтане.

– Конь стражника, – говорит Исмаил. – Сейчас много скакунов останется без хозяев.

Вот и тюрьма. Ворота закрыты, но несколько человек, взяв бревно, уже бьют им в ворота. Наконец ворота сбиты, и горожане прорываются внутрь. Стражников, охраняющих тюрьму, сметают, да они и не пытаются сопротивляться. Те, кому удалось уцелеть, бросили оружие и, прижавшись к стене, беспомощно оглядываются. Но на них никто не обращает внимания, все бросаются к широким ямам, прикрытым толстой деревянной решеткой.

Спутники Исмаила подставляют под решетку толстые деревянные колья, поднимают ее и опускают в ямы лестницы. Из ям несутся радостные возгласы, заключенные по лестницам поднимаются во двор.

– Эй, люди, вы забыли про Колодец! – кричит кто-то.

Вдруг становится тихо. Колодец – самая страшная из темниц. Посредине тюремного двора, возле дома стражников, выкопана глубокая узкая яма, не шире колодца. Внизу несколько клеток, где всегда полная темнота. Заключенным спускают раз в день на длинной веревке кувшин с водой и несколько лепешек. Даже охрана не знает, кто там находится и за какие провинности; никому не известно, кто жив, а кто умер. Это про Колодец сложили пословицу: «Кто войдет туда – потерян навеки, а кто выйдет – будто заново рожден».

Несколько человек подходят к отверстию в земле – краю Колодца – и, наклонившись, заглядывают в него. Хасан протискивается и тоже пытается посмотреть. Ничего не видно. Тогда кто-то говорит:

– Нужна длинная веревка.

Один из «сасанидов» молча расстегивает кафтан. Все видят, что у него к поясу привязан большой моток тонкой, но крепкой веревки, плетеной из пальмового волокна. С ее помощью люди из воровского «братства» влезают на стены самых высоких домов, потому что на ее конце привязан стальной крюк.

Парень втыкает этот крюк в землю, пробует, крепко ли он держится, и, свесив ноги, садится на край колодца, а потом, упиравшись в стенки, начинает медленно спускаться, держась руками за веревку, которая постепенно разматывается.

Все придвинулись ближе и прислушиваются. Наконец из-под земли доносится голос:

– Спустите мне фонарь, здесь совсем темно!

Ему осторожно опускают слюдяной фонарь, в котором горит масляный светильник. Через некоторое время снова слышно:

– Тяните, я нашел одного!

Стоящие наверху берутся за веревку. Им совсем не тяжело, даже не верится, что к другому ее концу привязан человек. Наконец они подтягивают веревку к краю колодца.

Все отшатываются. Над землей показывается страшное, заросшее грязными седыми волосами лицо с пустыми глазницами, покрытое коркой грязи. Молодцы подхватывают под мышки узника Колодца и ставят его, но у того подкашиваются ноги, и он бессильно валится. Потом слабым голосом спрашивает:

– Какой год сейчас, люди? Кто-то тихо отвечает:

– Сто пятьдесят четвертый год*, несчастный человек.

– Сто пятьдесят четвертый год, – повторяет вышедший из-под земли, а вокруг спрашивают: «Кто ты? Сколько лет ты провел в этом подземелье? Есть там еще люди, кроме тебя?»

Но человек будто не слышит вопросов и бормочет:

– Сто пятьдесят четвертый год... Снизу опять кричат:

– Бросайте веревку, здесь есть еще люди!

Снова вытаскивают нескольких изможденных, потерявших человеческий облик заключенных. Один из них, видно, совсем потерял рассудок: он все время бессмысленно улыбается и что-то бормочет, но никто не понимает его. Все они слепы, только один еще что-то различает. Опомившись, люди окружают узников и куда-то уводят их.

Толпа, оставив тюрьму, направляется дальше по улице, к дворцу наместника, но тут кто-то кричит:

– Бегите, войска, сирийские конники!

Хасан плохо помнит, что было дальше. Толпа смяла его, отбросила к стене, потом втиснула в узкий переулок. Но там его достала сабля сирийца – что-то свистнуло над ухом, лицо обожгла резкая боль, и Хасан упал.

Когда он очнулся, было уже темно, прямо в лицо ему светила луна, кругом было тихо. Хасан с трудом сел и ощупал лицо. Щека была стянута коркой – видно, кончик сабли только скользнул по щеке и рассек кожу.

«Хорошо, что глаза остались целы», – подумал Хасан. Он встал и, держась за стену, побрел домой. «Только бы не напали бродячие собаки, – мелькало в голове. – Почувяв кровь, они могут наброситься и загрызть, как волки в степи».

Но по пути он встретил только нескольких прохожих, пугливо жавшихся к стенам, как и он. Словно во сне дошел Хасан до дома и, из последних сил стукнув в дверное кольцо, повалился на пороге.

Теперь Хасан в постели. Он лежит уже второй месяц. Рана почти затянулась, но началась лихорадка, которая уложила мальчика в постель. Несколько раз к нему приходил Абу Исхак, скучавший по ученику. Когда мальчик спрашивал его о том, что делается в городе, хозяин отмалчивался, но Хасан понимал, что старик не хочет тревожить его. Абу Исхак пригласил лекаря, и тот заставлял пить горький отвар, излечивающий от лихорадки. Хасан тайком выливал лекарство, ел только целебный мед и жирные сладкие лепешки, которые приносил хозяин. Ему было смертельно скучно. Хотелось снова увидеть Исмаила и его друзей, услышать приятный голос Валибы.

Сегодня Хасан чувствовал себя совсем хорошо и решил выйти из дому, когда уйдет мать. Голова еще немного кружилась, но, когда Хасан вышел из душевой комнаты и вдохнул горячий воздух улицы, он почувствовал необычайную бодрость. Куда пойти? Мирбад далеко, ему туда не добраться, хозяин будет ругать за то, что вышел из дому без разрешения лекаря. Хасан решил немного побродить по городу.

Он шурился, потому что глаза его отвыкли от яркого света – в комнате всегда было полутемно. Он пошел наугад и очутился в незнакомом переулке. На углу стоял высокий дом с балконами и надстройками, на просторной крыше стояла коза, которая уставилась желтыми недобрыми глазами на мальчика. Хасан хотел повернуть обратно, но в это время из здания вышли двое. Один – высокий толстый старик с длинной седой бородой. У него выпученные воспаленные глаза, затянутые белесыми бельмами, нижняя губа брезгливо оттопырена. Второй – худощавый невольник-поводырь. Он вел старика за руку, а тот недовольно ворчал:

– Им не нравится, что я посвятил свои стихи нашей Рабаб*. Эти ничтожные обвиняют меня в том, что мои стихи о ней неизменны. Послушай, что я написал:

Рабаб – хозяйка дома, она с утра хлопочет,
То кормит жирных кур, то собирает яйца.

Во-первых, они не поняли, что это стихи шуточные, и, кроме того, что бы мы ели с тобой, если бы не Рабаб и ее куры! Пришлось бы нам покупать яйца на рынке, а эти мошенники безбожно обманывают и продают честным людям только тухлые яйца. А сейчас, после смуты, на рынке и вовсе нет ничего, так что выходит, что Рабаб спасла нас от голодной смерти.

– Не обращай внимания на них, господин Абу Муаз, это все пустое дело, лишь бы не дознались, кому принадлежат стихи, которые повторяет сейчас вся Басра:

«О люди, что сделал с нами
Милостивый повелитель правоверных!

Он раздал нам по пять монет,
А собрал с каждого по сорок!»

Хасан прислушался. Поводырь сказал: «Абу Муаз!» Может быть, это и есть Башшар Ибн Бурд? Ведь он тоже слеп и, как говорят, живет недалеко от его дома.

Хасан пошел вслед за незнакомцами. Опасаясь, что поводырь прогонит его, он старался не приближаться к идущим и поэтому больше не слышал, о чем они говорят. Вот они прошли улицу и свернули направо. Знакомое место – рынок зеленщиков. От него отходит Восточная улица.

Подойдя ко второму дому справа, поводырь остановился и постучал. Хасан подошел поближе. Ведь это дом, куда его приглашал Валиба! Может быть, ему тоже войти? Но Валиба приглашал его вечером, а сейчас раннее утро! Тем временем ворота отворились, старик и его поводырь вошли, и слуга снова закрыл ворота.

Хасан немного постоял у входа, но не решился постучать. Нечего делать, придется возвращаться домой. Он вспомнил, что Абу Исхак в одно из своих посещений принес ему книгу, но мальчик был так слаб, что у него не было сил не то что прочитать ее, а даже посмотреть, что это за книга.

«Пойду почитаю», – решил Хасан и отправился домой. Войдя, отмахнулся от сестер, которые начали приставать к нему с расспросами, и забился в свой угол.

Принесенный Абу Исхаком томик лежал в нише. Хасан достал его и стал рассматривать. Он был не очень толстый; коричневый кожаный переплет украшен тиснением. Присмотревшись внимательнее, Хасан увидел, что это изображение каких-то животных, похожих на волков. Раскрыв книгу, мальчик сразу же поразился красоте первого листа: сверху почти до половины страницы шли замысловатые узоры, сделанные синей, желтой и голубой краской. «Книга Калилы и Димны»* – так она называлась.

Вначале шло довольно длинное и скучное предисловие о том, как персидский лекарь Барзуйе* привез эту книгу из Индии, добыв ее всяческими хитростями, и перевел на свой язык. Хасан подумал, что ради такого сочинения он не стал бы переносить столько трудов, и хотел уже отложить книгу. И почему Абу Исхак выбрал именно ее? Но, решив посмотреть, что будет дальше, мальчик открыл ее наугад где-то в середине.

Легкий и ясный язык повествования сразу увлек его. Он стал читать рассказ о коварном и простодушном, потом притчу о змее и утке, и книга захватила его целиком. Рассказы, вплетенные друг в друга, текли непрерывающейся струей, они откладывались в мыслях, как пестрая мозаика. Дойдя до последней страницы, он вернулся к началу.

Возвратилась мать, и мальчик, разведя огонь в очаге и поставив на огонь воду, стал читать вслух повести из книги о Калиле и Димне. Домашние внимательно слушали его, а мать, вздохнув, сказала, когда мальчик прочитал рассказ о льве и быке:

– Так бывает всегда – сначала царь милостив, а потом губит. Нет ничего опаснее милости царя.

В калитку постучали. Мать накинула на лицо край покрывала и отворила. Хасан услышал, как она говорила:

– Добро пожаловать, почтенный господин.

В комнату вошел Абу Исхак. Он поздоровался с Хасаном и протянул матери сверток. Там был, как всегда, горшочек с белым медом и сдобные лепешки. Усевшись на циновку, Абу Исхак сказал:

– Я вижу, ты уже почти здоров, сынок?

– Слава Богу, учитель, я сегодня выходил на улицу и, кажется, видел Абу Муаза.

Хозяин стал расспрашивать Хасана, и тот рассказал ему о своей встрече. Потом он сказал:

– Хозяин, расскажите мне о Ибн аль-Мукаффе*, ведь вы принесли мне его книгу, я прочел ее, но ничего не знаю о том, кто написал ее.

– Хорошо, – сказал Абу Исхак, – я расскажу тебе о нем. Это один из величайших умов нашего времени. Он служил секретарем-катибом у Исы ибн Али, когда тот был наместником Басры. Но повелитель правоверных аль-Мансур узнал о том, что Ибн аль-Мукаффа сохранил верность верованиям персов. К тому же в это время началась смута, и халиф сменил наместника. Новый хозяин Басры был зол на катиба Исы за то, что он высмеивал его грубость и необразованность, и обвинил в ереси – приверженности вере Мани*.

– А что это такое? – спросил мальчик. – Я много слышал о Мани, но не знаю, в чем заключается его учение.

Абу Исхак помолчал. Наконец медленно произнес:

– Не знаю, поймешь ли ты, но тебе ведь уже двенадцать лет, в твоём возрасте я уже был посвящен в тонкости богословия, однако не твоя вина, что ты не учился у хороших учителей. Вот в чем заключается вера Мани. Его приверженцы считают, будто мир сотворен не Аллахом,

а светлой силой, создавшей все добро, и темной силой зла. Они учат не прельщаться богатством и довольствоваться малым. Но они еретики, потому что поклоняются не Единому Богу, а двум божествам – доброму и злему.

– Что же стало с Ибн аль-Мукаффой? – нетерпеливо спросил Хасан.

– Аль-Мансур приказал отрубить ему руки и ноги и сжечь их в печи, а потом бросить в огонь тело. Только Аллах знает, виновен он на самом деле в какой-нибудь ереси или просто халиф и его наместник отомстили ему за то, что он был смелым человеком и не боялся уличать их в несправедливости. У нас в Басре жило множество ученых, и сейчас есть ученые и литераторы, но не было никого, кто бы мог сравниться с Ибн аль-Мукаффой. Ты понял смысл его книги?

– Да, он на примере ссоры царя зверей льва и быка показывает, как опасен гнев повелителя...

– ... Не только это, – прервал его Абу Исхак. – Он говорит о пользе благоразумия и уверенности, призывает обдумывать все свои поступки и слова, чтобы не раскаяться потом, когда раскаяние бесполезно. Я дал тебе эту книгу, чтобы ты внимательно прочел ее и поступал соответственно тому, что в ней указано, потому что уже хорошо знаю тебя и вижу, что ты склонен к необдуманному поступкам, хотя одарен быстрым умом и хорошими способностями. Оставь эту книгу у себя и постоянно читай ее, пусть она будет твоим наставником.

Сказав это, Абу Исхак поднялся и, попрощавшись с мальчиком, вышел. Хасан задумался.

Конечно, хозяин верно говорил о нем, он действительно часто поступает необдуманно и поэтому всегда оказывается свидетелем того, что не надо видеть и слышать. Всему виной неумеренное любопытство. Но ведь скучно всегда размышлять. Не проще ли жить, как придется, как Исмаил и его товарищи? Правда, Исмаил лишился руки, но даже мудрый Ибн аль-Мукаффа окончил жизнь в печи, и его не спасли ни ум, ни рассудительность. Наверное, старик, который приходил к Абу Исхаку в лавку, очень благоразумный человек, и тот, кого наместник казнил у него на глазах, тоже не был легкомысленным – недаром Абу Исхак назвал его одним из самых справедливых людей нашего времени!

А вот Валиба вряд ли рассудителен, иначе не стал бы всю ночь пить вино и слушать пение. Нет, такие нравятся ему гораздо больше, пусть люди говорят, что он гуляка и безбожник!

Он будет внимательно читать книгу, но поступать по-своему. А еще пойдет сейчас к Валибе и попросит рассказать о мудром Ибн аль-Мукаффе, о его книге и о многих других вещах.

Поднявшись, надев кафтан и шапочку, Хасан направился к дверям.

– Куда ты? – крикнула мать.

Если сказать ей правду, она ни за что не разрешит.

– Я немного погуляю.

Мать что-то говорила, но Хасан, не слушая ее, быстро выскользнул на улицу и пошел знакомой дорогой.

У ворот дома Валибы было привязано несколько коней, на земле стояли носилки, возле них сидели рабы, белые и чернокожие. Хасан постучал в ворота, но привратник, выглянув, оттолкнул мальчика и снова задвинул засов. От обиды кровь бросилась в лицо. Хасан снова постучал, на этот раз сильнее. Рабы засмеялись.

– Откройте почтенному гостю, у него, наверное, важное дело! – крикнул один. Другой сказал:

– Эй, малыш, будь настойчив, господин любит красивых мальчиков! Но тут Хасан увидел среди них знакомого евнуха, слугу Яхьи ибн Масуда.

Хасан подошел к нему.

– Хозяин этого дома приглашал меня приходить к нему и обещал, что будет учить стихам.

Тот пожал плечами:

– Сынок, хозяин этого дома любит обещать, а сегодня у него много гостей. Но, если ты так настойчив, я попробую провести тебя к нему.

Евнух постучал и сказал привратнику:

– Пропусти меня к моему хозяину, у меня важное дело, а этот мальчик со мной.

Ворота открылись, и они вошли. Хасан ожидал увидеть дворец, вроде дома Яхьи, но дом Валибы был не намного богаче того, где жила их семья. Двор вымощен каменными плитами только по краям, а в середине – крепко утоптанная глина, политая водой. Из дома доносились громкие голоса, хохот, потом женский голос что-то запел.

Хасан вместе с евнухом поднялись на невысокую галерею, окружавшую дом. Оттуда прошли во внутренний двор, где расположился Валиба со своими гостями. Стоявшее в середине глиняное возвышение покрыто обычными циновками; подушки, которые гости подложили под локти, сшиты из полосатой шерстяной ткани. Тем ярче казались наряды гостей Валибы: зеленый, шитый серебром камзол Яхьи ибн Масуда, шелковые и парчовые одежды других, незнакомых мальчику гостей.

Сам хозяин дома облачен в богатый кафтан, который был ему немного мал и, видно, жал, отчего поэт то и дело дергал плечами и оттягивал ворот. Перед ним стояли большой глиняный кувшин с вином и такой же – полный воды. Валиба наливал вино в кубки из обожженной поливной глины и передавал их остальным. Хасану показалось, что это смешение богатства и бедности особенно нравится гостям, которые веселились вовсю.

Один из них только что сказал что-то, и все рассмеялись. Увидев мальчика, Валиба обрадованно крикнул:

– Пришел мой маленький виночерпий! Возьми займись делом! Хасан уже знал, что вино надо смешать с водой и подавать чаши гостям, но он обиженно воскликнул:

– Ты звал меня заниматься стихами, а не вином!

Ответ Хасана вызвал всеобщее веселье. Но Валиба жестом успокоил гостей и сказал:

– Мы и занимаемся стихами, лучше всего они запоминаются за полным кубком. Займись же своим делом, и ты увидишь, как я даю уроки.

Когда Хасан нехотя взял кувшин и стал смешивать вино, Валиба обратился к одному из гостей, худощавому юноше в полосатом парчовом кафтане, и спросил его:

– Какие ты знаешь стихи о вине, которые можно считать образцом? Юноша ответил:

– «Встань утром и напои нас,
Не жалея вина из Андарина!»*

– Клянусь Аллахом, ты прав, а кто из новых поэтов лучше всего прославил вино?

– Лучше всего его прославил Абу Муаз, когда сказал:

«Когда смешанное с водой вино наливают из кувшина в кубок,
Не знаешь, смеется ли оно над нами или ворчит,
предостерегая нас,

Кувшин склоняется перед пустым кубком, наполняя его,
Как тот, кто читает в мечети молитвы, склоняясь ниц...»

И из той же касыды я могу привести его слова:

«Как часто я говорил: “Запасемся вином,
Запретное слаще всего, дай же мне вкусить запретного!”»

Собравшиеся одобрительно зашумели, а Валиба крикнул:

– Спойте нам песню на стихи Фараздака* «Кувшин, в котором сладкое свежее питье».

Где-то за галереей зазвенели струны лютни, и певица начала песню:

– Кувшин, в котором сладкое холодное вино,
Похож, когда в него вливают содержимое бутылки, на звезду.

Оно запечатано со дня Хосроя*, сына Хурмуза,
И мы принялись за него с утра, едва запели петухи.

Я опережу смерть, когда она явится, и выпью вина,
Ведь все равно не вернешь юность после того, как появилась
седина – предвестница Страшного суда.

Хасан застыл с кувшином в руке. Вот она, настоящая поэзия! Несмотря на то, что голос у певицы был хриловатый, непохожий на свежий голос Ясмин, – она, наверное, была немолода, – стихи захватили его. Ему стало стыдно за свою самонадеянность. Как он читал свои неловкие строки перед Валибой? Но Хасан утешил себя – ведь он еще молод, он станет учиться и напишет стихи не хуже, ведь все говорят, что у него хорошие способности!

Когда песня кончилась, Валиба обратился к Яхье и сказал:

– Мы слышали сейчас одну из прекрасных касид, воспевающих вино. Что ты можешь сравнить с этим?

Яхья немного подумал, а потом ответил:

– Я могу сравнить с этим только стихи аль-Ахталя:

«У вина две одежды – паутина, которой покрыта бутылка,
И поверх нее другая одежда – обмазка из смолы.

Это золотистая красавица, которая долго томилась взаперти
В укрытии, среди садов и ручейков.

Вино подобно мускусу, рассыпаемому перед нами,
От тех брызг, что падают мимо чаши».

– Да, – согласился хозяин. – Но все же наш Абу Муаз превосходит их всех: жаль, что ему приходится быть настороже, ведь только срочные дела мешают халифу заняться доносами, которые поступают на него! Я знаю это от самого аль-Махди, а он любит стихи Абу Муазы и обеспокоен теми слухами, которые доходят до него из Басры, – у него тоже нет недостатка в доносчиках.

– Да, – подхватил один из гостей. – Мне довелось провести несколько дней с Абу Муазом, и я ни разу не видел, чтобы он молился дома или в мечети. А когда один из его учеников спросил, почему он не молится, Абу Муаз ответил: «Я объединил все молитвы в одну и слил ее в свой кувшин. Когда осушу его, исполню все положенные мне молитвы». Кто может поручиться, что у него в доме не было завистника и доносчика, который бы не сообщил обо всем услышанном наместнику? И к тому же Башшар сложил насмешливые стихи о повелителе правоверных.

Валиба помолчал, потом отпустил шутку, непонятную Хасану, и веселье продолжалось. Мальчик хотел уйти, но хозяин не отпустил его.

– Утром я пойду с тобой к твоей матери и попрошу отпустить тебя со мной в Куфу, – объявил он. – Я беру тебя в ученики, чтобы ты заучивал мои стихи и читал их перед людьми, а жить будешь в моем доме. У меня весело, еды всегда вдоволь, а работы почти никакой – тебе легко будет запоминать, раз ты сочиняешь сам. Сегодня у меня гости, а завтра я буду заниматься с тобой серьезно. Я отведу тебя в дом нашего великого Халиля*. Правда, он уже немолод и не дает уроков, но у него собираются его уче ники и ведут споры о грамматике и о том, какие слова употребительнее. Несколько недель, проведенных у Халиля, дадут тебе больше, чем десять лет уроков.

Пирушка продолжалась до утра. Хасан был так утомлен, что еле держался на ногах и один раз чуть не упал, когда ему пришлось подавать чашу одному из гостей. Наконец все уснули прямо на циновках. У мальчика болела голова, спать больше не хотелось. Он вышел во двор и услышал негромкий разговор:

– Когда же им надоест пить и горланить?

– Эй, Абдаллах, когда люди днем не работают, им остается только пить ночью, ведь другого дела у них нет!

– Проклятые безбожники, да обрушит Аллах свой гнев на их головы! Что можно сказать о них, если сам наследник престола, аль-Махди, все ночи проводит с певцами и музыкантами, за вином, которое запретил Посланник Аллаха!

– Им нет дела до того, что народ в Басре обнищал после незаконного налога халифа, а сотни детей остались сиротами!

Тут кто-то прикрикнул:

– А вам какое дело до всего этого, живите и будьте довольны, что живы и что у вас есть на обед ваша доля хлеба, ведь сейчас многим свободным приходится хуже!

Рабы замолчали, а Хасан улегся прямо на земле у стены, чтобы утром на него падало хоть немного тени, и уснул.

VI

– Мир вам!

– И вам мир!

– Давно ты не был у нас в доме, мастер!

– Что поделывать, такова жизнь, она подобна зыбучим пескам, ибо засасывает и не отпускает, как говорили древние. Не успеешь оглянуться, как она пройдет.

– Добро пожаловать тебе и твоему ученику!

Хасан уселся на потертый, но тщательно подметенный ковер рядом с учителем и огляделся. Большая комната, выходящая на просторный двор, во дворе несколько пальм, скромный цветник. От него идет аромат рейхана и влажной пыли – слуга только что полил цветы.

Стены комнаты сплошь в нишах, там стоят кувшины, красивые глиняные чаши и книги. Сколькo книг! Целая ниша заполнена ими. Такого собрания Хасан не видел даже у Валибы. Как богат, должно быть, хозяин! Хотя вряд ли, ведь книги – это все, что есть ценного в комнате. Мазанный пол почти весь покрыт плетеными из пальмовых листьев циновками, и только для гостей расстелен на почетном месте – в «верхней половине» комнаты – ковер.

Из гостей пока только Валиба. Хасан не в счет – он ведь только ученик. Мальчик внимательно присматривается к хозяину. Еще бы – ведь он в доме самого Абу Убейды!* Говорят, он в молодости был рабом. Хозяин разрешил ему заниматься науками, и Абу Убейда сначала стал писцом, а потом выкупился на волю. Никто лучше него не знает древних преданий арабов и персов, его слова сверкают, как чистый жемчуг, и ранят, словно острие копья. Так говорил учитель Хасану по дороге. Абу Убейда внешне ничем не примечателен – это немолодой щупленький человек с большим носом. Блестящие хитрые глаза почти спрятаны под припухшими веками.

Хасан отвлекся и пропустил начало разговора. А очнувшись, услышал, как Абу Убейда говорил Валибе:

– Не сердись, Абу Усама, я вовсе не хочу опорочить племя бану асад, ведь это твои родичи. Но подумай, можно ли равнять их, чья жизнь прохoдит в степи среди овец и верблюдов, чья пища в лучшие времена – снятое молоко и горсть сушеных фиников, чьи подошвы от ходьбы босиком по раскаленным камням тверды, как рог козы, с потомками древнего народа, создавшего дворцы и сады Ирема многоколонного?* Разве не эти бедуины разрушили дворец Хосрова* и разрезали знаменитый ковер, над которым много лет работали десятки лучших мастеров Ирана? Разве не они сожгли наши древние книги, в которых заключалась вся мудрость мира?

Твои родичи красноречивы, Пророк избран из них благодаря своему красноречию. В Благородном Коране говорится о преимуществах «красноречивой и ясной речи». Но вы горды сверх меры и отрицаете заслуги других народов. Разве вы забыли Сальмана Персидского*, который научил Пророка, как отразить нападение язычников? Тогда вы принимали всех и говорили о том, что Аллах сотворил людей разных народов и все они равны в исламе. Разве это не так?

– Ты слишком разгорячился, – со смехом прервал Абу Убейду Валиба. – Клянусь своим каламом, мне все равно, кто подаст чашу с вином – араб или перс. Но я не хочу, чтобы порочили моих родичей, какие они ни есть. Оставь это, Абу Убейда. Расскажи лучше, какое новое предание ты нам можешь сообщить, чтобы мой ученик мог послушать тебя и понять, каким должен быть истинно красноречивый человек.

Абу Убейда вздохнул и, покачав головой, сказал:

– Ты заботишься о своем ученике, и это похвально. Но как бы он не оказался неблагодарным, как мой последний ученик, Абу-ль-Маали, про клятье на его голову! Он сбежал от меня

и стянул мой новый плащ вместе с завернутым в него кошельком. Вот, кстати, какие изречения и стихи древних о неблагодарности вам известны?

Валиба улыбнулся:

– «Я учил его стрелять из лука каждый день,
А когда его руки окрепли, он выстрелил в меня».

– Это хорошие стихи, – одобрил хозяин. – А знаете притчу о приютившем гиену? Вряд ли, ведь я сам вчера впервые услышал ее от одного из твоих сородичей – бедуинов. И ты, мальчик, слушай, чтобы не уподобиться гиене, о которой идет здесь речь.

Некогда охотники из племени тай выследили гиену и долго гнали ее по степи, так что она бежала уже из последних сил. Вдруг перед ними показался одинокий шатер кочевника. Гиена бросилась в шатер и укрылась там, чтобы спастись от охотников. Всадники окружили его, но тут к ним вышел хозяин и спросил: «Кто вы и что вам нужно?» Те ответили: «Мы охотники из племени тай, в твоём шатре наша дичь и наша добыча!» Но бедуин воскликнул: «Клянусь Тем, в Чьих руках моя жизнь, я не выдам того, кто искал у меня убежища, пока могу держать в руках меч и копьё!»

Всадники-тайиты, видя, что бедуин не уступит им, оставили его и возвратились в свои земли. А бедуин вошел в шатер, дал полуиздохшей гиене молока и воды и ухаживал за ней, пока она не очнулась. Когда наступила ночь, бедуин уснул, а гиена встала, крадучись подошла к хозяину шатра, загрызла его и выпила его кровь. Сделав свое дело, она покинула шатер, но бежала медленно, так как была еще слаба. А в это время к шатру подъехал один из родичей бедуина. Он вошел в шатер и, увидев, что случилось, пустился по следу гиены, догнал ее и убил. А потом, отомстив за смерть родича, он сложил стихи:

«Тот, кто делает добро недостойному,
Похож на приютившего злобную гиену».

– По-моему, это одна из лучших притч и прекраснейшие стихи о неблагодарности.

Потом, неожиданно обратившись к Хасану, Абу Убейда сказал:

– Ну-ка, мальчик, представь, что хочешь описать своего врага, как ты это сделаешь?

От неожиданности Хасан не смог ответить сразу. Абу Убейда подсказал ему:

– Ты сначала опишешь недостатки его внешности, а потом...

– А потом, – подхватил Хасан, – я опишу его внутренние пороки.

– Ну, начинай же!

– Я опишу одного менялу, нашего соседа:

Он самой лжи отец и скупости образец.
Гнусна его природа, а вид ненавистен для народа.

– Хорошо, прибавь еще! – воскликнул Абу Убейда.

– Он делает воздух мрачным, а пространство от вонии непрозрачным.

Абу Убейда и Валиба расхохотались, а Абу Убейда повторил:

– Хорошо, прибавь еще!

– Мерзостен его вид, но хуже то, что в душе он таит.

Он хуже злобной гиены, пусть его навеки поглотит пламя Геенны.

Я могу и еще! – гордо сказал Хасан.

Абу Убейда, все еще смеявшийся, вытер слезы и замахал руками:

– Ну нет, довольно! Ожерелье не должно быть слишком длинным, достаточно, чтобы оно окружало шею! Если ты продолжишь, то совсем убьешь этого несчастного и утомишь нас. Клянусь Аллахом, ты один из остроумнейших людей нашего города, хотя еще очень молод. Абу Усама не зря взял тебя в ученики, ты еще прославишь его и себя!

Раздался стук в дверь, и хозяин поднялся, чтобы встретить новых гостей. В комнату вошел высокий старик и другой, чуть помоложе. Валиба встал, уступая им почетное место, за ним поднялся Хасан. Хозяин, усаживая вошедших, говорил:

– Сегодня у нас счастливый день, нас посетил великий аль-Асмаи*.

Когда все сели, Абу Убейда позвал слугу и приказал ему подать угощение. Поев и омыв руки, гости стали говорить о таких вещах, какие Хасану еще не приходилось слышать. Они обсуждали правила склонения и спряжения, о том, как правильно образовать множественное число от разных имен. Хасан старался запоминать их слова. То, что было понятно, легко укладывалось в памяти, но многое оставалось неясным. Поэтому он отвлекся и стал вспоминать, как стал учеником Валибы.

Тогда, после ночи, в первый раз проведенной не дома, он не вернулся к матери – утром Валиба отвел его к Абу Исхаку и велел ждать снаружи...

Хасан стоит у лавки, прижав ухо к двери. Там поэт Валиба беседует с продавцом благовоний. Наконец раздается голос хозяина. Хасана зовут внутрь.

Хозяин сидит на своем любимом ковре, перебирая четки. Перед ним небольшой мешочек, наполненный монетами; он чем-то явно рассержен.

Увидев мальчика, Абу Исхак поворачивается к нему и произносит:

– Ты хочешь стать учеником этого человека?

Хасан вдруг понимает, что хозяин обижен на него за то, что он не оправдал его надежд – ведь у Абу Исхака нет сыновей, и он хотел, чтобы Хасан стал его преемником. Ему жалко старика, и он молча опускает голову. Тогда Абу Исхак, внимательно посмотрев на него, кричит:

– Эй, Мухаммед!

В лавку входит его второй ученик.

– Сходи домой к нему и приведи его мать. Когда ученик уходит, Абу Исхак, вздохнув, говорит:

– Возможно, так будет лучше, мальчика тянет к новому и неизведанному. Пусть же он в полной мере вкусит жизнь, узнает и ее сладость, и ее горечь.

Валиба молчит, а Хасану хочется выбежать из лавки, забиться куда-нибудь и заплакать. Остаться у Абу Исхака? Но Хасан чувствует, что уже не сможет торговать в лавке, смешивать благовония и раскладывать их по коробочкам. Всю жизнь одно и то же! Нет, он хочет увидеть новые места – Йемен, землю своих предков, древнюю Хиру*, где жили прославленные цари и поэты древности, и новую столицу – Багдад, неподалеку от которой лежат развалины древнего города, где возвышаются колонны дворца царей Ирана*.

Нет, ему жалко хозяина, мать, брата и сестер, но жить с ними он больше не в силах. Ведь ему некого даже спросить, хороши ли его стихи, какое слово можно употребить, а какое нельзя. Абу Исхак знает толк в травах и благовониях, но в поэзии разбирается плохо, а мать и вовсе ничего не понимает. Среди родных он чужой, как Имруулькайс был чужаком в Анкаре*, где сложил свои предсмертные стихи...

Видя, что Хасан задумчив и бледен, старик поднимается и, подойдя к мальчику, кладет ему руку на плечо.

Дверь распахивается, вбегает мать Хасана. Увидев сына, бросается к нему и прижимает к себе. Она ничего не говорит, только трясется всем телом.

– Не плачь, – говорит ей Абу Исхак. – Твой сын жив, с ним ничего не случилось. Но он хочет оставить меня и пойти в ученики к поэту Валибе ибн аль-Хубабу аль-Асади. Он добрый человек и знаменитый стихотворец, твоему сыну будет хорошо у него, и дар, которым он наделен от Аллаха, не пропадет. Ты согласна отдать сына ему в ученики? Если пожелает Аллах, со временем он станет хорошим поэтом и сможет помогать семье.

Мать отпускает мальчика и тихо говорит:

– Вы были ему опекуном и отцом. Я во всем полагаюсь на вас.

Тогда Абу Исхак, нагнувшись, поднимает с ковра мешочек с монетами и протягивает ей.

– Возьми, его новый учитель дает эти деньги тебе, чтобы на первое время ваша семья не нуждалась, а потом он даст еще. Хасан станет ученым человеком. Ибн аль-Хубаб научит его грамматике и правилам стихосложения – ведь мальчик уже давно пишет стихи и мечтает стать поэтом.

Мать нерешительно протягивает руку и берет мешочек. Хасан не видит ее лица, оно закрыто темным покрывалом, но ему кажется, что по щекам ее текут слезы. Он хочет что-то сказать, но лишь сильнее прижимается к ней.

Тогда встает Валиба и подходит к ним:

– Хорошая женщина, твой сын одарен большими способностями. Он стал моим учеником, а потом, если пожелает Аллах, прославится и сам на берет учеников. Скоро мы вместе отправимся в Куфу, потом вернемся, и он будет приходить к тебе. А пока пусть живет у меня.

Мать так же тихо произносит:

– Пусть Аллах благословит вас за то добро, которое вы ему сделаете. Не обижайте его, он хорошо служил прежнему хозяину и учителю и будет вам хорошим учеником.

Потом она кланяется и выходит из лавки.

Хасан хочет броситься за ней, но Валиба берет его за руку и прощается с Абу Исхаком.

С этого дня Хасан не расставался с Валибой. Он жадно запоминал все, что говорил ему учитель, читал нараспев Имруулькайса, аль-Аша*, Джарира* – любимых поэтов Валибы. Он знал уже почти все его стихи, хотя ему еще не вполне ясны были некоторые строки. Теперь Хасан уже не мог представить себе иной жизни и другого учителя...

Шум голосов вдруг прервался новым стуком в дверь. Хасан очнулся и увидел, что в комнату входит уже знакомый ему слепой старик. Все поднялись, подошли к нему, а он, ощупывая пол толстой палкой, ступил на ковер и грузно уселся неподалеку от Хасана. Теперь видно было, что все его лицо изрыто оспинами.

– Да благословит Аллах твой приход, Абу Муаз! – сказал хозяин дома и протянул гостю чашку с холодным питьем.

Тот одним глотком осушил ее и сказал:

– Продолжайте вашу беседу, я не хочу мешать вам.

– Ты не помешал нам, Абу Муаз, мы говорили о том, кому из наших поэтов принадлежит лучшее любовное стихотворение, – ответил Валиба.

– Ну... – протянул слепой. – Конечно, лучшие стихи на эту тему написал мой осел!

Хасан насторожился. Сейчас будет что-то интересное, недаром все присутствующие заулыбались. А Башшар – это, конечно, мог быть только он – совершенно серьезно говорил:

– У меня был прекрасный осел, но вдруг он заболел и умер. А в сегодняшнюю ночь я увидел его во сне. Обратившись к нему, я спросил его: «О осел мой, я кормил тебя отборным зерном, я поил тебя прохладной водой. Что же случилось с тобой?» Осел, вздохнув, ответил: «Да, это все так. Но однажды я шел по улице и вдруг встретил прекрасную ослицу. Я полю

бил ее с первого взгляда, но она осталась ко мне холодна. И я, не сдержав любовной муки, умер». Потом мой осел упал без сознания, а, очнувшись, сказал такие стихи, которые я, клянусь Аллахом, считаю образцом любовных стихов:

«Мою любовь вызвала прекрасная ослица
своими жемчужными зубами и гладкими щеками цвета
“шакурани”».

Я спросил осла: «А что такое “шакурани”?» И он ответил: «Это одно из редких слов на языке ослов».

Рассказчика прервал громкий смех. Смешливый Абу Убейда, вертя головой, вытирал глаза, а Валиба громко хохотал. Потом он серьезно сказал:

– Ты прав, Абу Муаз, твой осел – лучший из нынешних поэтов, он знает все правила стихосложения и даже умеет употреблять редкие слова. Недавно у меня в гостях был один из наших поэтов. Он прочел свои новые стихи, и я, клянусь своим каламом, понимал только каждое второе слово. Наконец, когда он употребил слово «кеййсун», я не выдержал и спросил: «О, ученейший муж, а что значит слово “кеййсун”?» Он, нисколько не смутившись, ответил: «Это значит “разумный”». Тогда я спросил его: «А почему ты прямо не сказал этого?» Тогда он с важным видом пробурчал: «Если я буду употреблять обычные слова, то всякий рыбак и носильщик поймет мои стихи, а это – удел избранных».

Я ответил ему тогда: «Поистине, бремя твоих стихов так велико, что доступно только носильщику, а рыбак нужен, чтобы выловить скудные зерна разума из твоих слов. Твои стихи так холодны, что ими можно пользоваться вместо лекарства во время лихорадки». С тех пор этот человек стал моим злейшим врагом и не упускает случая навредить мне, обвиняя в ереси и других грехах.

Снова стук в дверь прервал разговор. Вошел один из друзей Валибы, которого Хасан не раз видел у него дома. Он был чем-то взволнован. Усевшись на ковер, произнес:

– Живите вечно!

– Что такое?

– Кто умер? – послышалось со всех сторон. А новый гость обвел глазами собравшихся и медленно сказал:

– Скончался повелитель правоверных Абу Джафар аль-Мансур, да не оставит его Аллах своими милостями.

Все замолчали, потом Абу Убейда вздохнул:

– Известная всем нам пословица говорит: «Не радуйся, когда кто-нибудь уходит, пока не увидишь, кто пришел на его место». Мансур был суровым и жестоким человеком, но все же его можно назвать справедливым и разумным. Посмотрим, как покажет себя наследник, аль-Махди. Ты, Абу Муаз, должен хорошо его знать, ведь ты не раз навещал его в его дворце.

Башшар закричал и ничего не ответил, потом нехотя сказал:

– Я знаю только, что он поклялся строго карать еретиков и безбожников. Ждите новых виселиц и костров в нашей благословенной Басре. И я сам, хотя аль-Махди не раз восхищался моими стихами, не могу поручиться, что он не тронет меня. Знаю также, о Валиба, что он ценит твои стихи и часто просит своих певиц исполнять песни на твои слова. Но однажды он сказал мне: «Валиба ибн аль-Хубаб был бы лучшим поэтом после тебя, Абу Муаз, если бы не его вольные речи и распущенность. А его безбожие становится еще опаснее из-за его таланта».

– Пустое! – беспечно сказал Валиба. – Каждый из нас когда-нибудь умрет! К тому же я покаяться и больше не буду пить вина. Сегодня же отправлюсь в паломничество, а вернусь из благородной Мекки в большой чалме, свободный от всех грехов. Вы все свидетели моей

клятвы. Клянусь, что не стану пить вина, иначе как произнеся покаянные стихи, а всякий раз, как скажу неподобающее о святыне, накажу себя бессонной ночью за вином и песнями.

– Ты все шутишь, Валиба, – неодобрительно сказал Абу Убейда. – Смотри, будь осторожен, в нашем городе у тебя немало врагов, а виной всему твой язык.

– Я завтра отправляюсь в путешествие вместе со своим учеником, – сказал Валиба, на этот раз серьезно. – Мой кошелек пуст, а в Хире, как я узнал, живет сейчас один из моих старых друзей и покровителей, Ахмад ибн Вахб аль-Махзуми, это великодушный и щедрый человек. Если я с его помощью не поправлю свои дела, мне придется идти в Куфу, а там у меня слишком много врагов.

– «Хуже Ада место, где у тебя нет друга», – так говорит пословица, – сказал Абу Убейда. – Оставайся пока с нами, я помогу тебе. Но неплохо и путешествовать, а твоему ученику полезно было бы послушать Халафа аль-Ахмара*. У него собираются поэты и ученые. К тому же, если он собирается стать поэтом, ему нужно выбрать имя, которое отличало бы его от необозримого множества других поэтов, которым весь век суждено оставаться безымянными.

– Ты прав, Абу Убейда! Халаф – великий знаток имен и прозвищ, он может помочь в этом. А сейчас разреши нам с тобой проститься, час уже поздний, как бы не перекрыли улицы, ведь, если халиф аль-Мансур скончался, наместник уж наверняка получил с голубиной почтой приказ соблюдать осторожность и не допускать смуты. На улицах, наверное, повсюду стражники, которые осматривают всех проходящих.

Гости зашумели, закивали головами, выражая согласие, потом встали и направились к выходу.

На улице было темно и тихо. Как всегда после захода солнца, когда от воды поднимался туман, от городской бойни доносился удушливый запах, заглушающий все другие запахи. Даже луна – узенький серп – казалась какой-то тусклой. Учитель и ученик, словно сговорившись, посмотрели на небо, и Валиба, поеживаясь, тихо сказал:

– Словно ломтик гнилой дыни.

Хасан понял, о чем говорит Валиба, но промолчал. У него было нехорошо на душе, как будто он простился с чем-то важным и дорогим. Завтра они уйдут, а мать, Абу Исхак и Исмаил останутся здесь, словно Хасан никогда их и не знал. Но теперь, когда она получила деньги, жить у нее Хасан уже не может. Будь что будет; теперь он поэт, а поэт не должен проявлять слабость, иначе его соперники покончат с ним. Это тоже слова Валибы, и Хасан их хорошо запомнил. Он будет сильным и прославится под своим именем, Абу Али, или под новым, которое ему дадут, когда он станет немного старше.

VII

Очень жарко, и хочется пить. Даже голода Хасан не чувствует больше, хотя живот подвело, и голова по-прежнему кружится. Еще на рассвете они с Валибой покинули грязный постоянный двор в Куфе, где им пришлось оставить последние деньги в уплату за комнату, которую они занимали больше месяца. В последнее время удача отвернулась от них. Валиба поссорился с богатым и влиятельным куфийцем аль-Махзуми, и поэту с учеником пришлось бежать из Хиры, где они надеялись остаться подольше. К тому же новый халиф, аль-Махди, обиженный тем, что Валиба сразу же после смерти аль-Мансура не посвятил ему хвалебных стихов, не пригласил его ко двору и не принял, когда поэт, с большим трудом собрав деньги на дорогу, явился в Багдад.

Валибе пришлось вернуться в Басру, где у него было много недругов, и пробавляться случайными заработками – стихами, превозносящими богатых купцов и наместника, экспромтами. Хасан тоже помогал. За время, проведенное с Валибой, он привязался к учителю. Ему нравился его беспечный и насмешливый нрав, его восхищало то, что, казалось, никакие несчастья неспособны озлобить учителя, заставить его изменить себе.

А сам Хасан очень изменился. Это уже не тот круглолицый мальчик с ямочками на щеках, который семь лет назад пришел в дом Валибы. Непокойная жизнь бродячего поэта наложила отпечаток на его лицо. В углах рта появились насмешливые и горькие морщинки, такие же видны у глаз. Он так же невысок, но сильно исхудал, лицо вытянулось, острый подбородок скрыт негустой темной бородкой, над тонкими губами – полоска усов.

Валиба не раз смеялся: «Нужно сильнее орошать твои усы вином, тогда они будут расти лучше». Хасан отшучивался, как мог; он был великий мастер на шутки, и не раз они навлекали и на учителя, и на ученика гнев тех, кто был жертвой издевки. Вот и теперь случилось так же...

Горячий песок набирается в сандалии. Хотя еще нет десяти, солнце палит беспощадно. Только бы удалось до полудня добраться до Зу Тулуха, небольшого селения, где они смогут напиться и отдохнуть! В Хире им пришлось продать своих ослов, чтобы рассчитаться с хозяином постоянного двора. Будь проклят этот хозяин! Он надолго запомнит своих гостей, которых обобрал до нитки, забрав даже теплые шерстяные плащи! Хасан, улыбаясь, шепотом повторяет сложенные им стихи:

– Худшее из всех мест – постоянный двор в предместье Хиры.
Там скверный запах и лицемерие скверного лица хозяина

Заедаешь скверной едой и запиваешь прокисшим вином,
Кислым, как слова того, кто его продает.

Скоро его стихи станут известны по всей Хире, дойдут до Куфы, и тогда вряд ли кто-нибудь остановится в этой грязной дыре. Только так может отомстить поэт. Но что толку: им с Валибой приходится идти пешком по раскаленному песку, под горячим солнцем. А учитель уже немолод, ему тяжело, хотя он и бодрится.

Хасан оглядывается. Валиба бредет, тяжело передвигая ноги, глаза у него воспалены, видно, он не совсем здоров. Но, встретив взгляд Хасана, улыбается и говорит:

– Что, сынок, ты, верно, отдал бы старого учителя за молодого осла! Хасан, улыбнувшись в ответ, замечает:

– Всем известны стихи:

«Сколько глупых ослов имеют ослов,

Сколько умников, отличившихся на ристалищах,
не имеют даже осла!»

Неплохо бы сейчас сидеть в прохладной беседке в тени виноградных лоз, срывать покрытые серебристым налетом тяжелые гроздья темно-пурпурного винограда. Его граненые прохладные ягоды в руке, из них потечет темный сладкий сок! Хасан с трудом сглотнул. Жажда становилась нестерпимой. Песчаная почва сменилась солончаком, соль ослепительно сверкала.

Только теперь Хасан по достоинству оценил слова древнего поэта: «Воздух раскален так, что кажется, будто стальные иголки пляшут перед глазами». Действительно, сейчас кажется, что острые иголки вонзились в зрачки. Хочется лечь на землю, прикрыть лицо и не думать ни о чем, сгореть в солнечной печи. Хасан снова оглянулся: Валиба еле двигается, спотыкаясь и опустив голову.

Он вернулся и взял учителя под руку.

– Спасибо тебе, сынок, я буду держаться за тебя, как лоза держится за колышек, вокруг которого она обвилась. Скоро мы придем в Зу Тулух, за солончаками начнется хорошая дорога, а там мы можем встретить шатер кочевника, который примет нас и даст воды или холодного молока. Хорошо бы сейчас что-нибудь съесть, например, жареную куропатку...

– Или свежую лепешку! – подхватил Хасан.

– Или жирную похлебку!

– Или нежную индейку!

– Или сочный кабаб!

Валиба выпрямился и, отпустив руку Хасана, проговорил:

– Мы с тобой образованные люди и поэты, сынок, нам не пристало под даваться отчаянию и усталости. Наш дух должен быть сильнее тела. Сейчас мы с тобой сложим стихи о нашем пути и о тех блюдах, которыми я угостил бы тебя, будь я халифом или вазиром. Я начну, а потом мы будем говорить по бейту* поочередно в размере реджез*:

Мы идем по каменистой дороге, снизу – соль, сверху – солнечный жар.

Ну, продолжай!

Хасан, не задумываясь, сказал:

– О, если бы сейчас перед нами лежало шесть Лепешек, а посередине утка!

Валиба подхватил:

– Утка из земель Китая, которой бы мы наслаждались, Жареная, а за ней последовал бы рис!

Дающая удовольствие, а за ней Сладкое вино из Хиры.

Хасан продолжал:

– И мы знавали радость жизни, а сейчас Ноги наши тонут в песке.

И пот льет ручьями, стекая
По шее за ворот.

– Прекрасно! – воскликнул Валиба. У него даже голос изменился. Только что он казался изможденным стариком, а сейчас глаза его снова блестели, он выпрямился и даже зашагал легче. Хасан задумался о том, как слово может подействовать на человека, знающего ему цену, а Валиба тем временем говорил:

– Не правда ли, сынок, мы с тобой славно подшутили над этим безмозглым стихоплетом, который вообразил, что он поэт?

Хасан отлично помнил, что случилось. Из-за него им и пришлось спешно покинуть Хиру, пешком и без денег. В последнее время его иногда охватывало необоримое озорство. Тогда накопившаяся злость прорывалась в язвительных насмешках или поступках, которые он сам не мог потом объяснить.

В такие дни ему было трудно ходить с Валибой на прием к богатым покровителям поэзии, участвовать в грамматических диспутах и поэтических состязаниях. Все казалось глупым и ничтожным. Стоит ли спорить, например, из-за того, «является ли отсутствие подлежащего подлежащим или в таких случаях подлежащее отсутствует», или «какого падежа требуют частицы “может быть” и “возможно”»? А ведь из-за подобных мелочей насмерть враждовали почтенные седобородые мужи в Басре и в Куфе, и дело не раз доходило до драки. А однажды куфиец аль-Кисаи*, славящийся вспыльчивым и упрямым нравом, ударил кого-то из своих братьев толстой книгой «отца грамматики» Сибавейха* по голове! Когда Хасан в первый раз услышал об этом, ему вспомнилось, как однажды, еще в детстве, он видел на площади двух лягающихся ослов. И в Коране сказано: «Ослы, навьюченные книгами»*. В конце концов не все ли равно, какой падеж поставить после частицы «может быть», – в обыденной жизни нигде, ни на улице, ни в доме, никто этих падежей не употребляет.

Особенно раздражало Хасана, когда какой-нибудь заурядный поэт, обделенный талантами, но не знавший иного ремесла кроме сочинения стихов, вставал и, воздев руки, начинал свои бездарные вирши традиционным, потерявшим всякий смысл «вукуфом»* – «стоянием у развалин шатра возлюбленной». Сколько раз Хасану пришлось выслушивать про истлевшие остатки, покосившиеся колышки от палатки, канавки, вырытые когда-то вокруг шатра, а ныне засыпанные песком, кучки высохшего овечьего помета, долину ал-Лива* или истлевшее жилище Мей*, «подобное стершимся буквам на свитке»!

Когда при нем декламировали эти сотни раз повторявшиеся у древних поэтов строки, его охватывало чувство физической тошноты; казалось, он жует густую смолу, липнущую к зубам и забивающуюся в глотку. То, что у старых мастеров было живым, красочным, полнокровным, превращалось в заушный бред. Где могли видеть такие поэты остатки кочевых шатров? О какой возлюбленной говорит этот тощий желтолицый старик с гноющимися глазами?

Однажды, когда Хасан вновь услышал нестерпимо надоевший «вукуф», он выкрикнул:

– Скажи тому, кто плачет у истлевших развалин стоя: «Не худо бы тебе наконец сесть!»

Присутствующие на маджлисе, собрании поэтов, довольно долго молчали, а потом расхохотались, и Хасан нажил себе нового врага.

И вот сейчас, в Хире... Хасан вспоминает о своей последней выходке с какой-то странной смесью стыда и удовлетворения. Они с Валибой отправились к Абу-ль-Хасану аль-Хиляли – старому другу Валибы, который очень уважал его. Абу-ль-Хасан принял гостей с почетом, угостил их, как подобало. Вдруг Хасан увидел в нише толстую книгу. Пока хозяин дома и учитель были заняты разговором, он тихонько встал, подошел поближе, взял ее и раскрыл.

Первая страница сплошь покрыта богатым рисунком. На золотом поле выются синие, палевые, красные и голубые узоры. Они сплетались и расходились, образуя причудливую сетку. Хасан залюбовался искусной работой. Жаль, что здесь не принято ставить имя художника

– ведь его творение не уступает совершенством хорошим стихам. Переплет был исполнен с таким же мастерством. Коричневый тисненный сафьян скреплен ажурной серебряной застежкой, повторяющей узор первой страницы. Этот том – настоящее произведение искусства и стоит немалых денег. Хасан, Валиба и, наверное, даже Башшар никогда не смогли бы заказать такую книгу на запись своих сочинений.

А что записано здесь? Рассмотрев переплет, он перевернул несколько листов. Какие-то стихи... Он вернулся к первой странице. На ней великолепным почерком выведено: «Диван* достойнейшего мужа, светила науки и поэзии, Хамдана ибн Закарии». Заголовок тоже окружен ярко-синим сплетением на золотом фоне; такие же рисунки образуют рамку для каждого стихотворения. Хасану показалось, что зрение ему изменяет. Он протер глаза и снова посмотрел на заголовок. Имя Хамдана нагло сверкало среди лазури и золота замысловатого узора, который вдруг показался аляповатым, слишком пестрым и безвкусным.

Он хорошо знал Хамдана. Это высокий, благообразный и важный араб из знатного рода, осевшего в Хире и Куфе, бездарный поэт, собиравший у себя местных литераторов, которые усердно посещали его, привлеченные богатым угощением и подачками.

Хасан стал читать, морщась от гнева и отвращения. Ни одной свежей мысли, ни одного нового образа, бесчисленные нарушения правил, а вот и прямое воровство – строка из Башшара. И еще одна...

У него задрожали руки. Держа томик, подошел к учителю, присел рядом. Подождав, пока старшие закончат разговор, обратился к хозяину дома:

– Господин мой, я вижу у вас на почетном месте книгу достойнейшего Хамдана ибн Закарии. Вы знаток литературы и поэзии. Считаете ли вы этого человека действительно хорошим стихотворцем?

Тот замялся. Потом нерешительно проговорил:

– Хамдан подарил мне эту книгу. Он заказал переписать ее в нескольких экземплярах за большие деньги. Я принял его подарок – поступить иначе было бы невежливо, к тому же книга очень красива. Что же касается его стихов... Я нашел там некоторые прегрешения против правил, нарушение размера, не всегда употребляются правильные выражения и кое-где есть непозволительное заимствование...

– То есть, – невежливо прервал его Хасан, – вы, как и я, считаете Хамдана ничтожеством и бездарностью?

Он вдруг улыбнулся. Перед ним стоял чеканный медный кувшин для омовения рук. Хасан положил книгу на ковер и взял кувшин.

– Подобное к подобному, – задумчиво сказал он и, высоко подняв кувшин, опрокинул его. Оттуда хлынула вода и залила книгу. Валиба и Абу-ль-Хасан с удивлением смотрели на него, а он, вскочив, чтобы не замочить полы кафтана, тем же тоном продолжил:

– Ковер станет только лучше от воды, а переплет можно высушить и употребить в дело. Я надеюсь, что книга испорчена, хотя мне жаль рисунков.

После этих слов он повернулся и вышел, даже не попрощавшись, что было уж совсем невежливо.

Хасан опомнился только на улице. Ему стало стыдно. При чем здесь Абу-ль-Хасан, добрый старик, любящий его и Валибу? Разве он виноват, что Хамдан подарил ему свои безобразные сочинения? А учитель сейчас, наверное, извиняется перед хозяином за невежливость ученика! Хасан повернул к дому Абу-ль-Хасана, чтобы извиниться самому, но на пороге встретил Валибу. Он думал, что учитель станет упрекать его, но тот молчал, и только когда они подошли к постоялому двору, вздохнул:

– У Хамдана сильная и богатая родня, а слуга, который вытирал воду с ковра, раньше служил у него. Если тот узнает о твоих словах, нам придется уйти в другое место.

– Учитель, я понимаю, что был не прав, но не мог стерпеть!

– Знаю, знаю, – прервал его Валиба. – Ты горяч, но в жизни не бывает так, как тебе хочется: приходится смиряться и скрывать свои чувства.

– Я не хочу смиряться! – крикнул Хасан так громко, что несколько прохожих обернулись в его сторону.

– Тише, – потянул его за рукав Валиба, – подумают, что ты пьян, и отведут к начальнику городской стражи. Идем домой, тебе надо отдохнуть и успокоиться.

VIII

Снова Мирбад... Кажется, людей в Басре стало еще больше, но сам город как-то полинял, съезжился, потерял то, что нравилось Хасану раньше, когда он, вернувшись домой и окунувшись в знакомый лабиринт узких улиц, черпал в этом новые силы. Или сам Хасан утратил что-то: свою бездумную веселость, переполнявшую его некогда радость жизни, жадный интерес ко всему новому. Даже стихи надоели ему. Вечно одно и то же – воспоминания, восхваления, описания...

Но, беря в руки калам, он по-прежнему забывал обо всем. Стихи его становились все отточеннее, рифмы – богаче. В часы усталости и разочарования Хасану казалось, что его голова пуста, как дырявый бурдюк, что он уже высказал все, что мог, и даже Валиба не мог развеселить его. Он стал желчным и раздражительным и все чаще давал волю вспышкам гнева. Вся Басра говорила о том, как молодой поэт опозорил Акифа ал-Иджли, известного богача, который с удовольствием принимал у себя ученых и стихотворцев, надеясь, что они будут прославлять его щедрость и гостеприимство.

От кого-то Акиф узнал, что в Басре появилась новая знаменитость, и пригласил Хасана. У поэта в этот вечер было особенно плохое настроение. Он побывал дома, вдохнул знакомый с детства запах нищеты – мать жила в той же конуре, денег, которые давал ей старший сын, едва хватало на еду, дочери еще не вышли замуж, а младший брат, Хусейн, не приносил домой ни гроша. Он тоже хотел стать поэтом, прельщенный кочевой жизнью Хасана, которая казалась ему легкой и приятной. Но у него не было способностей брата, да и особым прилежанием он не отличался. Хусейн постоянно надоедал матери просьбами о деньгах, которые требовались, чтобы платить за уроки, но часто пропускал занятия и бродил по улицам вместе со своими сверстниками. Хасан много раз видел его вместе с Исмаилом Одноруким, который стал предводителем «молодцов» их квартала, но бывший приятель почему-то сторонился поэта.

В тот вечер, казалось, запах, идущий с бойни, был еще сильнее, комната матери выглядела еще более жалкой, а сама мать, которую Хасан помнил еще статной и красивой, – высохшей старухой. Она что-то говорила ему, жаловалась на дочерей, на дороговизну, но Хасан не слушал ее. Ему хотелось в степь. Пусть его бьет песчаный вихрь, пусть обдувает знойный ветер, пусть хлещут потоки бурного весеннего ливня и оглушают раскаты грома. Это лучше, чем сидеть в душной лачуге, где нищета пахнет не песком, жарким солнцем и пряной травой, как у бедуинов, а гнилью и грязными тряпками.

Дверь без стука приоткрылась, и в комнату вошел Валиба. Мать закрыла лицо, встала и вышла во двор, а он уселся на ее место. Он был бледен и тяжело дышал. Посмотрев на него, Хасан протянул ему чашку с прохладной водой:

– Прости, больше в этом благословенном доме нет никакого питья. Валиба жадно выпил воду, закашлялся и схватился за грудь.

Отдышавшись, вздохнул:

– Да, верблюд стал дряхлой верблюдицей, видно, не ходить нам больше и не ездить!

Хасан с удивлением посмотрел на учителя и как будто только сейчас увидел, что перед ним старик с потухшими глазами и морщинистым лицом.

– Не грусти, учитель, мы еще пойдем вместе в Багдад, и ты победишь всех тамошних виршеплетов.

Валиба промолчал, а потом устало сказал:

– Акиф ал-Иджли приглашает нас к себе, у него будет Халаф аль-Ахмар и другие ученые и поэты. Думаю, что нам следует пойти. Кто знает, может быть, он сумеет оценить по достоинству твои стихи, которые начинаются: «О ты, кто упрекает меня за вино, – ты не друг мне!» Я считаю, что это твои лучшие стихи, да и никто из древних поэтов не создал ничего подобного.

Пойдем, даже если он и не вознаградит тебя, как ты того заслуживаешь, все же развлечешься и вкусно поешь.

Хасан задумался. Ему не хотелось идти к Акифу – противно даже вспоминать его круглое, лоснящееся лицо, похожее на медный таз, его пухлые короткопалые руки, ослепляющие блеском драгоценных перстней, его визгливый и какой-то квакающий говор. Хасану всегда казалось, что голос Иджли пропитан жиром, как сдобная лепешка, и жир капает из его обладателя, пачкая все вокруг. Но куда деваться в этот вечер, когда жизнь кажется постылой? Может быть, он несправедлив к Акифу? Решительно поднявшись, Хасан произнес:

– Пойдем, учитель!

У дома Иджли было светло, возле ворот стояли чернокожие невольники с факелами, смоляные брызги летели во все стороны, к небу поднимался густой дым. В больших каменных чашах, стоящих во дворе, чадающим, но ярким пламенем горело «каменное масло» – нефть.

У коновязей слуги оглаживали коней, покрепче привязывали их, чтобы спокойно поболтать, перемывая кости хозяевам. В неровном свете блестели то мраморные плиты, которыми был вымощен двор, то подернутая легкой рябью, словно текучая кольчуга, вода бассейна.

Слуги встречали гостей по одежде – либо глубоко кланялись, либо небрежно сторонились. Хасан, усмехаясь, сказал Валибе:

– Если бы здесь собрались одни богатые кафтаны без своего соержи мого, беседа стала бы куда более содержательной.

Тот молча кивнул, и они прошли мимо слуг, почти не обративших на них внимания.

Хозяин стоит у дверей и приветствует входящих. Почти все гости в богатой черной одежде – ведь этот цвет избран Аббасидами, а здесь все верные сторонники сынов Аббаса. Кафтаны затканы и вышиты серебром, золотом, усажены жемчугом и дорогими камнями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.